

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

9 $\frac{344}{5}$ 263.11

Т Р У Д Ы
ОТДЕЛА ВОСТОКА

ТОМ II

ЛЕНИНГРАД · 1940

КРАТКИЙ ПОЛЕВОЙ ОТЧЕТ О РАБОТАХ ЗАРАФШАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЭРМИТАЖА И ИИМК В 1939 г.

Зарафшанская археологическая экспедиция поставила на 1939 г. перед собой три задачи: 1) продолжить археологические работы на Тали-Барзу в 6 км на юг от Самарканда, где в 1937—1938 гг. производились раскопки ст. научн. сотрудн. ИИМК Г. В. Григорьевым на средства и по заданию Самаркандского музея; 2) продолжить изучение стратиграфии городища Кафыр-кала, лежащего в 4 км на юг от Тали-Барзу или в 10 км на юг от Самарканда, на левом берегу большого арыка Даргом, где начаты были работы в 1938 г. Г. В. Григорьевым и ст. научн. сотрудн. Самаркандского музея И. А. Сухаревым; 3) провести новую археологическую разведку на городище Пейкенда (в 1913 и 1914 гг. там производились работы по поручению Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии Л. А. Зиминим) в целях научной подготовки археологических работ в нем в 1940 г. В задачу археологической разведки Пейкенда предполагалось включить: а) составление плана городища, обнесенного стенами, и ближайших окрестностей, где должны быть остатки упоминаемых географической и исторической литературой IX—XII вв. рабагов и рабада, б) проведение 2 или 3 шурфов для выяснения характера культурных слоев городища Пейкенд. Работы на Тали-Барзу предполагалось провести с 7/V по 7/VI, а в Пейкенде с 12/V по 4/VI. Археологическая Зарафшанская экспедиция организована была двумя учреждениями — Эрмитажем и Институтом Истории Материальной Культуры имени Н. Я. Марра с участием археолога Узкомстариса при Комитете Наук Узб. ССР В. А. Шишкина.

В состав Пейкендской партии Зарафшанской экспедиции вошли: начальник экспедиции А. Ю. Якубовский, В. А. Шишкин, М. М. Дьяконов, Н. П. Кипарисова и фотограф экспедиции С. И. Устинов. Своей базой экспедиция избрала колхоз Янги

Маданият, находящийся в $3\frac{1}{2}$ км от развалин Пейкенда. Расположен колхоз на самом краю культурной полосы, за которой тянется песчаная степь. Сам Пейкенд лежит на небольшой естественной каменной возвышенности. В этом легко можно было убедиться с помощью одного из шурфов (см. раскоп № 1), который в данном месте обнаружил каменный материк на глубине 3,5 м. Кругом Пейкенда песчаная степь, не дающая возможности из-за отсутствия воды и тени устроить здесь жилье. Правда, на ю.-в. от городища находится колодезь с неплохой на вкус водой, однако последняя к употреблению негодна, так как заключает в себе свойства глауберовой соли. Все это и заставило нас поселиться в колхозе Янги-Маданият и ежедневно делать по солнцу 7 км — 3,5 на городище и 3,5 обратно в колхоз.

Наладить нормальную работу на городище Пейкенд было трудно, рабочих, вследствие местных условий, было нелегко найти, вот почему число их у нас колебалось от 4 до 14 человек в день, хотя большую часть времени мы проработали с количеством, превышающим 10 человек в день. Наибольшее внимание в своей пейкендской работе нами было обращено на составление плана городища и его ближайших окрестностей. План самого городища выполнен В. А. Шишкиным с участием М. М. Дьяконова, а ближайших окрестностей городища — одним В. А. Шишкиным. Уже самая работа над планом развалин Пейкенда, а также наши частые обходы последних привели нас к следующим данным, наблюдениям и выводам.

Часть города, лежащая на возвышенности и окруженная в древности стенами, от которых в некоторых местах теперь имеются остатки, занимает площадь в 20 гектаров и представляет собой большой шахристан, в северо-восточной части которого находятся развалины большого кухендиза. Кухендиз несколько вытянут с ю.-з. на с.-в., равен по площади 1 гектару и крутым обрывом своей северо-восточной стены выделяется среди окружающей местности на далеком расстоянии. Длина остатков стены шахристана Пейкенда равна 2 км. Шахристан вытянут с запада на восток, что в своем плане 1913 г. совсем не отразил Л. А. Зимин. План, выполненный последним, не соответствует действительности, сделан, повидимому, по памяти, имеет ошибки и к научному использованию негоден. Характерно, что в восточной „половине“ шахристана почти не сохранилось остатков стен. Городище веками засыпается песком, который давно уже покрыл толстым слоем большую часть площади города, в том числе и часть остатков от стен. Имеющиеся в распоряжении экспедиции прекрасные фото хорошо отражают это наступление песков на остатки древнего города.

Шахристан внутренней стеной разделен на две „половины“: более древнюю — восточную (шахристан I), о которой было сказано выше, и более позднюю — западную (шахристан II). В первую свою поездку в 1913 г. Л. А. Зимин остатков внутренней стены не заметил, хотя она в своей северной части сохранилась в форме прекрасно видимого большого вала. В западной „половине“ городища, которая несколько меньше восточной, хорошо сохранились остатки стен и башен. Собственно говоря, остатки стен начинаются еще по северной стене восточной „половины“ города (шахристан I). Здесь развалины стены видны в трех местах вблизи от начала внутренней стены городища. Если посмотреть на план самого Пейкенда, как он сделан В. А. Шишкиным, можно увидеть остатки 10 башен, а между ними развалины, иногда довольно значительные, стен.

Внимательное рассмотрение тех мест по северной и южной стенам, где их соединяет внутренняя стена, убедительно указывает, что здесь были южные и северные ворота города. Характерно, что ни части северной, ни части южной стены у стыка с внутренней стеной не дают соединения, более того, если их мысленно продолжить, они не соединяются, а пойдут параллельно одна другой. В западной „половине“ (шахристан II) были, повидимому, еще ворота в западной стене, следы чего хорошо видны.

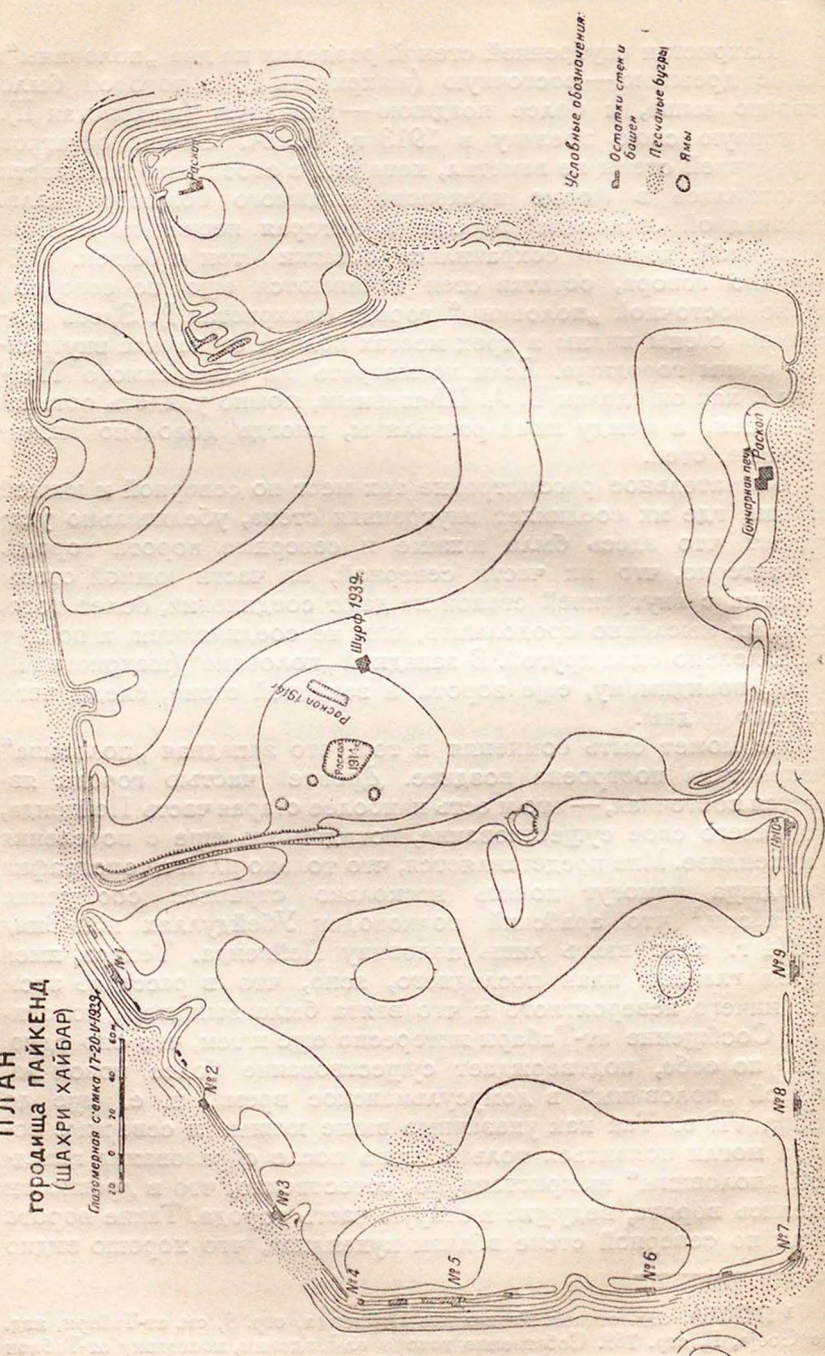
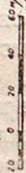
Не может быть сомнения в том, что западная „половина“ шахристана построена позднее. Древней частью города является восточная, — это и есть наиболее старая часть Пейкенда, начавшего свое существование, повидимому, еще с поселения в кухендизе. Мне представляется, что только план и топография городища помогут понять несколько странное сообщение ат-Табари,¹ что арабский полководец Убейдуллах ибн-Зияд в 674 г. смог взять лишь половину Пейкенда. Теперь, имея перед глазами план последнего, ясно, что в рассказе этом нет ничего невероятного и что взята была западная „половина“. Сообщение ат-Табари интересно еще и тем, что оно одно, само по себе, подтверждает существование более новой западной „половины“ в домусульманское время, т. е. еще до конца VII в. Так как указанные выше южные и северные ворота могли появиться только лишь после образования западной „половины“ шахристана, то, естественно, что в древности имелись ворота, ведущие в старую часть города. Такие ворота были по северной стене вблизи кухендиза, что хорошо видно

¹ ПТКЛА, отд. оттиск. Развалины Пейкенда, стр. 9, см. ат-Табари, изд. De Goeje, II, стр. 169. Собственно говоря, ал-Мадани, поскольку ат-Табари включил огромные куски из него в свой текст.

ПЛАН
городища ПАЙКЕНД
(ШАХРИ ХАЙБАР)

Базисная сетка 1720/1939.

из плана. Повидимому, судя по плану, в шахристане I имелись еще ворота — одни по южной стене, (табл. V, 2) против северных ворот, другие, повидимому, по западной стене (табл. I, 1 и 2).

Огромное впечатление производят развалины пейкендской калы, занимающей площадь в один гектар, особенно, если смотреть на ее крутую стену, обращенную на с.-в. в сторону развалин рабада и песчаной степи (табл. II, 1). Выше указывалось, что в западной „половине“ шахристана Пейкенда (шахристан II) сохранились остатки башен и фрагменты стены. Развалины башен отстоят друг от друга на 70 м. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть, что стены западной „половины“ и башни по ней подвергались перестройке. Древняя часть башен выложена из крупного сырцового кирпича. Перестройка выразилась в том, что башни сделаны были выше и шире путем облицовки старых частей большими глинобитными блоками. Глядя теперь на развалины башен, легко отделить древние части от новых, которые по отношению к первым являются как бы их футлярами (табл. III, 1 и 2).

Не произведя специального исследования строительных материалов в Пейкенде и аналогичных построек в Средней Азии, трудно установить, к какому времени относится как построение древних частей башен, так и их перестройка. Во всяком случае, последняя едва ли могла произойти позже XIII в., когда Арслан-хан сделал неудачную попытку возродить умерший в начале караханидской эпохи, т. е. в начале XI в., город. В настоящее время большая часть городища засыпана песком, который ветром сносится с одного места на другое, в силу чего прежде открытые места засыпаются, а закрытые — обнажаются (табл. IV, 1 и 2).

Поверхность городища буквально забита черепком, в подавляющем большинстве своем неполивным, с ярко выраженными чертами пережитков сасанидского стиля. Поливной черпок в Пейкенде встречается сравнительно редко. Наиболее поздняя группа — черепки афрасиабского типа, их немного, и они не являются характерными для Пейкенда X в. Более важной является группа черепков темнозеленой поливы с подглазурным орнаментом (геометрическое плетение и растительные мотивы) в технике штампа и резьбы. Эта керамика по всем признакам более архаична и, повидимому, относится к IX, VIII вв., а может быть и более раннему времени.

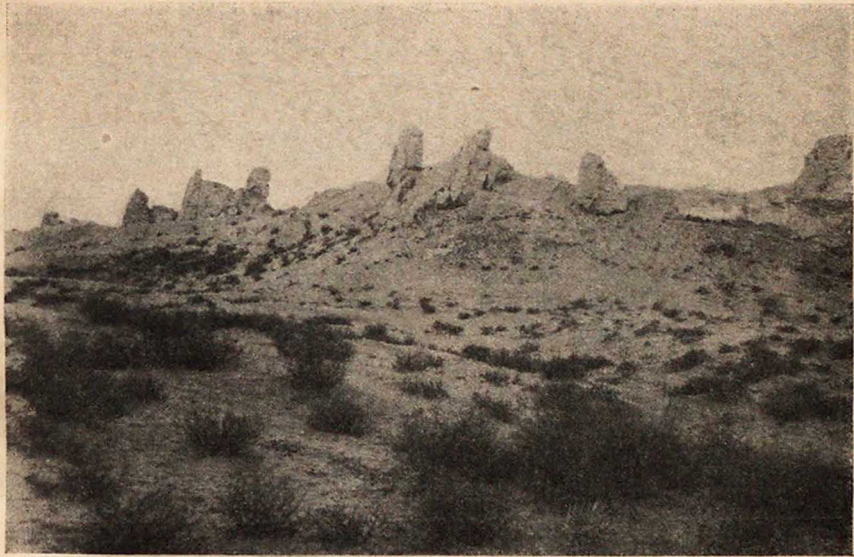
Встречаются на городище и поливные черепки тимуровского и тимуридского времени, т. е. XIV—XV вв. Для Пейкенда чрезвычайно характерно огромное количество орнаментированных неполивных черепков в технике штампа и резьбы. Бросается в глаза и специфичность орнамента, особенно на широко распространенных в Пейкенде фрагментах крышек от

низких цилиндрических сосудов. Орнамент этот выполнен штампом и весьма многообразен, что видно из собранной нами на городище коллекции. В. Л. Шишкин считает, что орнамента пейкендского неполивного черепка очень близка Варахше, где он работает третий год.

В большинстве своем неполивной черепок относится к VIII—X вв. Ниже будут указаны признаки, по которым можно с большей или меньшей вероятностью отличить неполивные черепки VIII в. от черепков X в. К сожалению, для большей точности наши знания пейкендского материала, да и вообще среднеазиатского, не дают надежных критериев. В задачу работ пейкендской группы археологической Зарафшанской экспедиции 1939 г. входила закладка шурфов для выяснения культурных слоев города. В Пейкенде раскопки впервые произведены были Л. А. Зиминым. Место для раскопа он выбрал удачно и, как видно из его отчета, получил немало интересного материала, для суждения о постройках и гончарных изделиях саманидского и караханидского (?) времени. Основной его раскоп заложен был вблизи внутренней стены, в восточной „половине“ шахристана, и представляет собой в настоящее время огромную бесформенную яму (см. план). На восток от раскопа 1914 г., приблизительно в 50 м от него, и был начат нами шурф № 1 (табл. VI, 1). Шурф был заложен на площадке 4×4 м. Как и все почти городище, площадка, отведенная для шурфа, сверху была покрыта песком. Песок лежал слоем в 60 см толщины, на выборку которого пришлось потратить немало времени. За песком неожиданно оказался толстый слой черепка, по преимуществу неполивного, который покрывал не только всю площадку раскопа, но, по видимому, значительно больший участок. Толщина черепкового слоя колебалась от 10 до 55 см. По всей вероятности, слой этот был набросан для выравнивания небольшой площади в XV в., когда здесь производились работы по восстановлению если не умершего уже города, то крепости. Что черепками здесь утрамбовали площадку не раньше XV в., видно из наличия среди черепков нескольких фрагментов поливной посуды, бесспорно относящейся к XV в. Около начатого шурфа № 1 через несколько дней образовались огромные кучи черепков; их было так много, что едва ли они могли уместиться на двух арбах. В течение нескольких дней работники пейкендской партии потратили немало часов на разборку и сортировку огромного бросового черепкового материала. В результате получилась интересная картина: в Пейкенде весьма разнообразны формы неполивных и поливных сосудов, весьма разнообразен и орнамент, особенно штампованный, на неполивной керамике. В специальной статье о керамике Пейкенда,

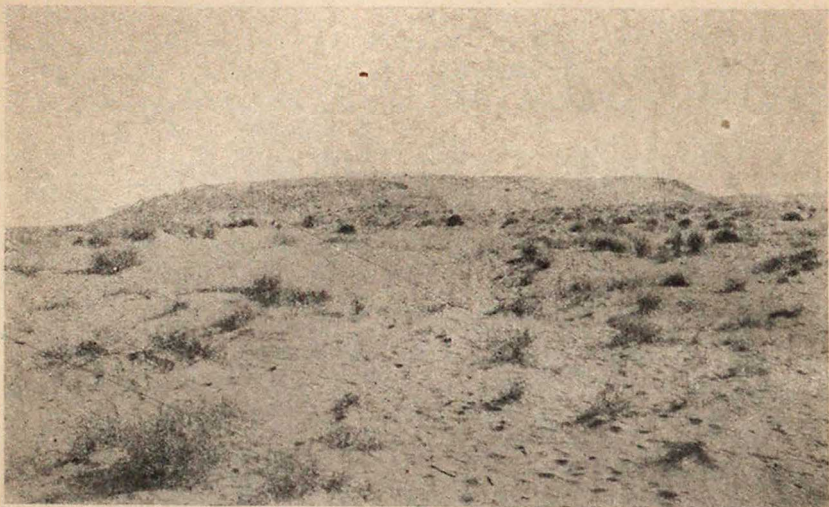

1. Городище Пейкенд. Остатки стены и башен. Северо-западный угол городища.

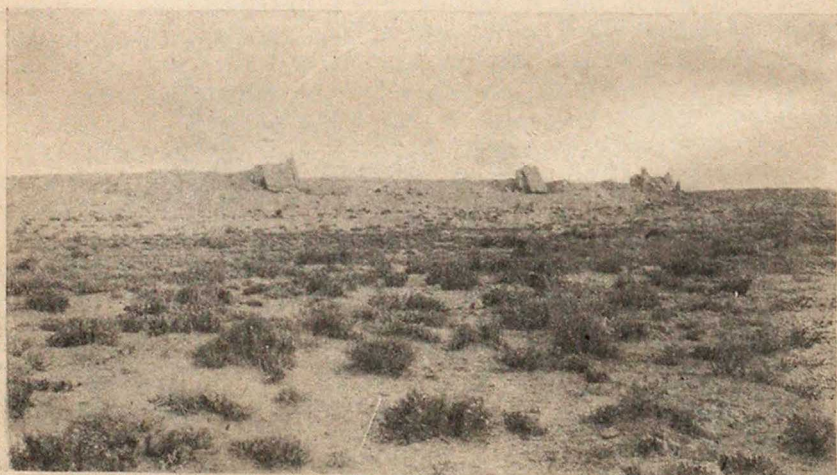

2. Городище Пейкенд. Остатки западной стены.

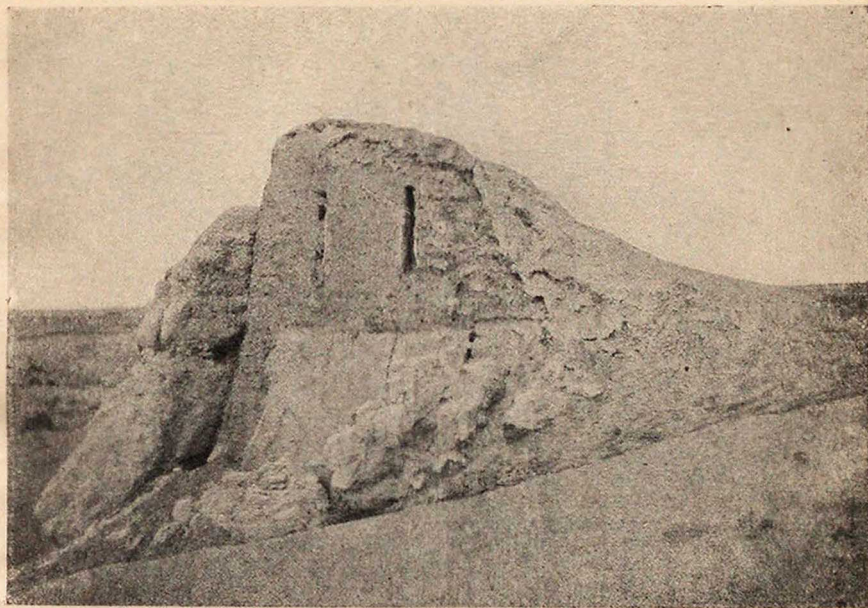

1. Городище Пейкенд. Развалины цитадели, вид с запада.

2. Городище Пейкенд. Южная стена.

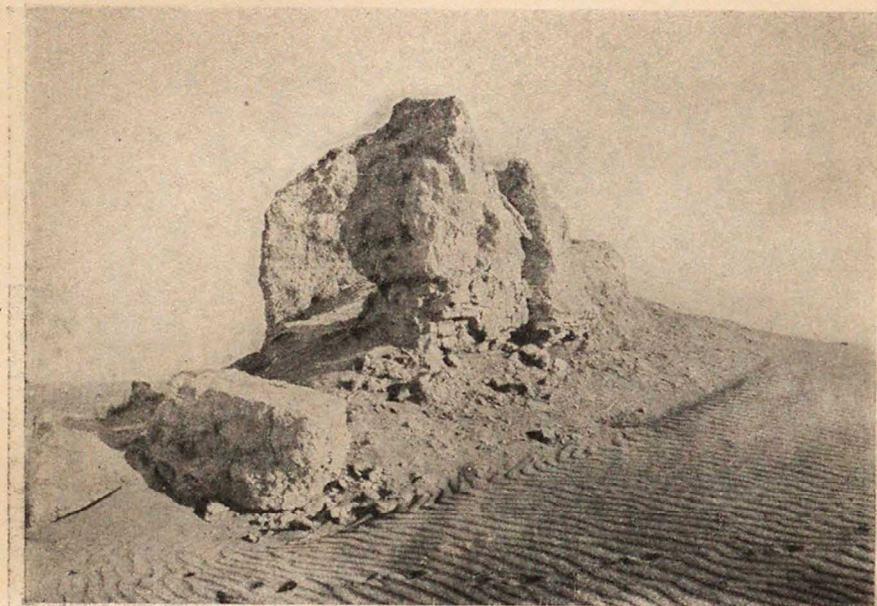

1. Городище Пейкенд. Развалины башни № 2 (сев. стена).

2. Городище Пейкенд. Развалины башни
№ 3 (северная стена).

1. Городище Пейкенд. Развалины башни № 10 (южная стена).

2. Городище Пейкенд. Развалины башни № 4. Вид с северо-запада.

1. Городище Пейкенд. Часть развалин северной стены.

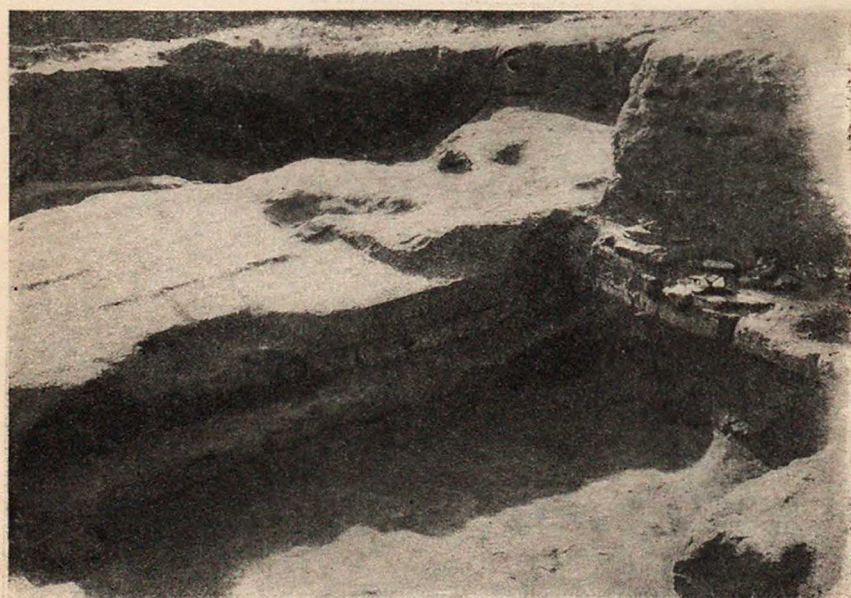

2. Городище Пейкенд. Развалины башни № 9 (южная стена).

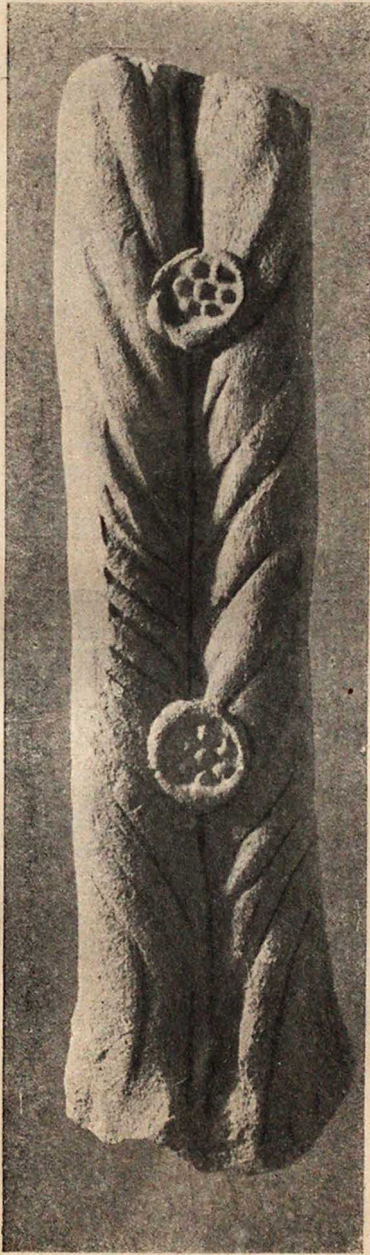

1. Городище Пейкенд. Раскоп № 1.

2. Городище Пейкенд. Деталь раскопа № 1.

Городище Пейкенд. Ручка глиняного кувшина. Раскол № 1

1. Городище Пейкенд. Глиняная фигурка животного. Раскоп № 3.

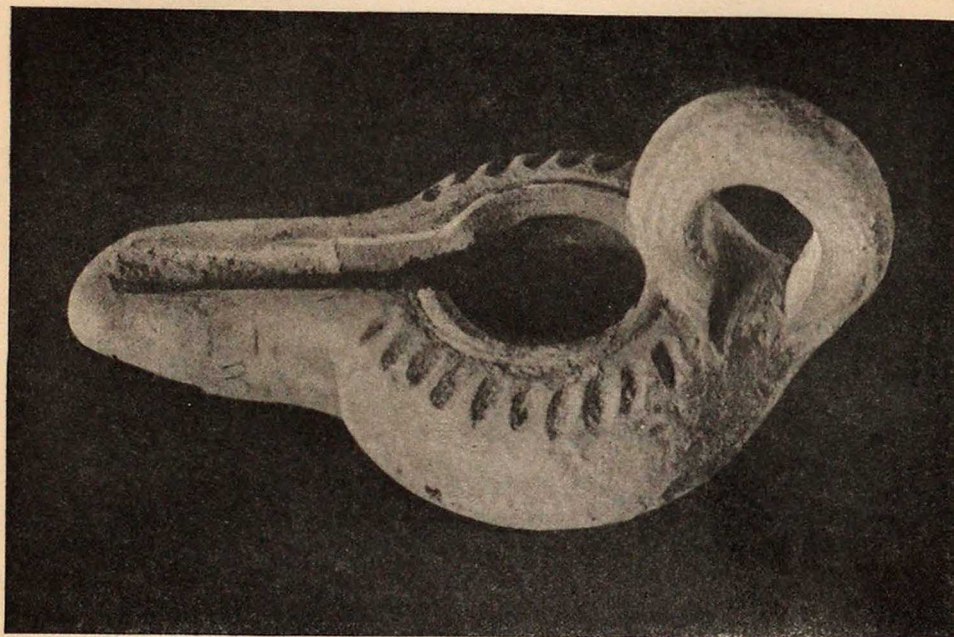
2. Городище Пейкенд. Глиняная фигурка животного. Раскоп № 3.

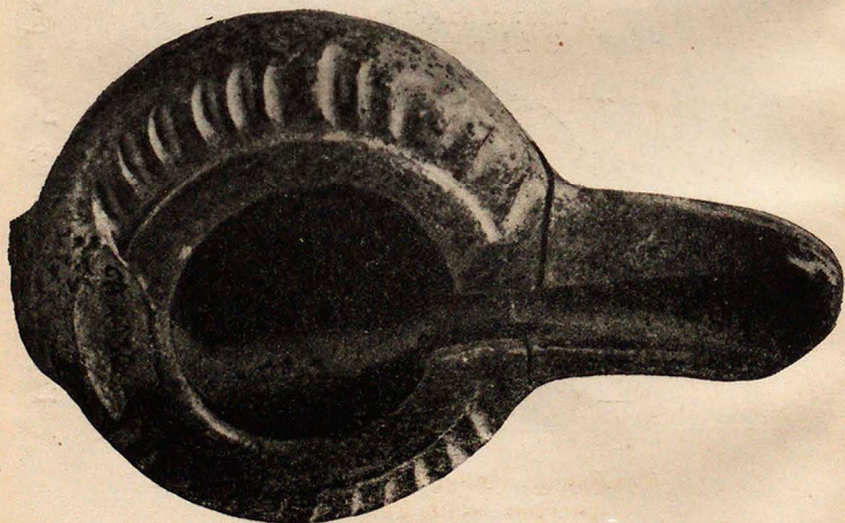

Городище Пейкенд. Часть раскопа № 3 с тондыром и хозяйственной ямой.

1. Городище Пейкенд. Глиняный светильник. Раскоп № 3.

2. Городище Пейкенд. Глиняный светильник, покрытый зеленой глазурью. Раскоп № 3.

1. Городище Пейкенд. Часть глиняной фигурки коня.
Раскоп № 1.

2. Городище Пейкенд. Часть глиняной
фигурки коня. Раскоп № 1.

1. Городище Пейкенд. Часть глиняной фляги, покрытой поливой. Раскоп № 3.

2. Городище Пейкенд. Часть глиняной чаши. Раскоп № 1.

которую предполагает написать участник Зарафшанской экспедиции ст. научн. сотрудн. Эрмитажа — М. М. Дьяконов, все эти вопросы будут подробно разобраны. Характерно, что в основном черепок этот тот же, что и на поверхности развалин Пейкенда. Среди черепков нами найдено несколько очень интересных в художественном отношении фрагментов (см., например, два фрагмента фигурок коней) (табл. XI, 1).

Повидимому, правильней всего считать, что большая часть бросового черепкового материала, неполивного и поливного, из раскопок № 1, так же как и подъемного, относится к саманидскому времени, т. е. к IX—X вв. Среди всей этой массы черепков имеются виды неполивной посуды, например: ручки сосудов с розетками (табл. VII), фигурки коней, орнаментированные крышки от низких цилиндрических сосудов (некоторые из крышек с изображением птиц) и другие предметы, ярко выражающие пережиточные черты сасанидского стиля. Материал этот еще не изучен, однако едва ли будет ошибкой предположить, что некоторые группы этого материала относятся ко времени арабского завоевания и арабской власти в Пейкенде (конец VII, VIII и IX вв.). Сделать это предположение заставляет прежде всего тот факт, что при расчистке гончарной печи, где найдены две саманидские монеты, как увидим ниже, не оказалось ни подобных ручек, ни подобных фигурок коней.

Вернемся, однако, к раскопу № 1. На глубине 1,5 м при расчистке площадки наткнулись на стенку из сырцового кирпича. Черепковый слой прекратился на глубине 80 см — 1 м 20 см. Перед нами встал вопрос, как быть — проследить ли стенку, для чего необходимо расширить раскоп, или, игнорируя ее, идти в глубь культурного слоя дальнейшим шурфованием. Решено было пойти на первое, для чего предполагалось расширить площадку шурфа к востоку и югу на 2 м. На новой площадке пришлось снять знакомый уже нам слой битой керамики, толщина которого была от 10 до 35 см. Только в восточном углу квадрата не было черепкового слоя. Ниже слоя битой керамики на глубине 1,12 м найдена бронзовая накладка, а на глубине 1,7 м — медная монета. Обе находки сделаны в квадрате 5. Параллельно восточной стенке строения в 2 м на восток от нее обнаружена еще стенка из сырцового кирпича в один кирпич ширины и глубиной в 4 кирпича. Площадка между двумя этими стенками вымощена сырцовым кирпичом. Работа по обследованию обнаруженной сырцовой стенки не отвлекла нас от продолжения шурфа для выяснения стратиграфии. Пришлось только сократить площадку шурфа, размер которого был доведен теперь до 2,20 × 1,20 м. Шурф оказался интересным, он показал, что стенки найденного строения выложены в 4, местами в 5 кирпичей. На глу-

бине 3,5 м неожиданно обнаружился камень, при расчистке площадки шурфа выяснилось, что мы достигли естественной каменной возвышенности, на которой и расположился шахристан. На этом раскоп № 1 пришлось прекратить.

Параллельно с шурфом велась расчистка гончарной печи, остатки которой найдены были М. М. Дьяконовым и Н. П. Кипарисовой у южной стены вблизи ю.-в. угла шахристана. Работы здесь начались несколько позже, чем на раскопе № 1, и дали очень интересные результаты. Сначала предполагалось только расчистить гончарную печь, собрать все остатки от бывшего здесь производства. Очень быстро расчищаемая площадка увеличилась до размеров 5 × 5 м. В верхнем слое было найдено огромное количество разнообразного керамического брака и немало больших фрагментов от разбитой посуды. Здесь имелись знакомые уже по подъемному материалу черепки неполивных сосудов разной формы, большие куски сосудов, приготовленных к поливе (полуфабрикат), орнаментированных геометрическим плетением, растительными мотивами, весьма характерные черепки с темнозеленой поливой, покрывающей упомянутые выше типы орнаментов (табл. XIII, 1). Среди предметов, привлекающих к себе внимание, следует отметить несколько фигурок зверей с менее выраженными пережитками сасанидского стиля (табл. VIII, 1 и 2), чем на фигурном изображении коня из раскопа № 1. Небезынтересны и чираги, особенно группа маленьких, почти игрушечных чирагов (табл. X, 1 и 2).

В самой верхней части слоя найдены были фрагменты поливных сосудов афрасиабского типа с красной и черной росписью по белой поливе, а также саманидская монета Насра II (914—943),¹ чеканенная в Бухаре. Среди отмеченных вещей имелись гончарный шлак и предметы, носящие все признаки прямого их отношения к технике гончарного производства. Особенное внимание на себя обращали вытянутые куски обожженной глины в виде змеек, со следами огня и поливы. „Змейки“ эти служили, повидимому, для подвешивания на них изделий при обжиге.

К сожалению, самой печи для обжига обнаружено не было, она давно развалилась и оставила после себя только вышеуказанный богатый материал, в котором оказалось так много предметов, непосредственно связанных с техникой самого обжига, что можно написать специальную статью на эту тему с выявлением пейкендских особенностей в технике гончарного производства в IX—X вв., ибо, судя по монетам (в верхнем слое найдена была и вторая саманидская монета 347 г. хид. —

¹ Все определения монет Зарафшанской экспедиции 1939 г. сделаны в Эрмитаже А. А. Быковым.

958/59 г. х. э. Абд-ал-Мелика ибн-Нуха), бывшая здесь гончарная печь относится к саманидской эпохе.

Превращая расчистку в раскоп, М. М. Дьяконов, руководящий этой работой, обнаружил в ю.-в. части его тондыр (печь для выпечки лепешек), а в нем золу (табл. IX). В дневнике М. М. Дьяконова под 26/V записано: «В тондыре найдены чираг, ножницы (в двух кусках) и медная ложечка. За тондыром, к северу, нашли большую яму диаметром 45 см, глубиной в 1 м 25 см, как видно, для хранения припасов. Из находок необходимо отметить две монеты (между тондыром и ямой) и несколько фрагментов поливной керамики саманидского типа. В дальнейшем работа на этом раскопе дала следующие результаты — около тондыра найдено корытце, сложенное из жженого кирпича». В квадрате 2 А, по словам М. М. Дьяконова, обнаружили стенку, идущую перпендикулярно восточной стене раскопа, и другую, проходящую в квадрате 3 А, почти под прямым углом к первой. В квадрате 3 А на глубине 75 см обнаружена серебряная халифатская монета.

Едва ли будет ошибкой предположить, что жилой комплекс, связанный с тондыром, представляет собой небольшой двор какого-то пейкендского ремесленника, быть может даже гончара, поскольку связь производства с определенным местом в средние века была весьма прочной в восточных городах. Да и не такая разница во времени между слоем, где лежала гончарная печь, и слоем, в котором обнаружен тондыр.

Ведь упомянутая выше халифатская монета, найденная на глубине 75 см, оказалась дирхемом ас-Саффаха, чеканенным в Куфе в 133 г. хид. = 750/751 г. х. э. Поскольку тондыр со всем остальным жилым комплексом лежал чуть выше монеты 133 г. хид., то надо думать, что последний относится не раньше второй половины VIII в., по всей вероятности, к его концу.

В Пейкенде на керамике VIII—X вв., как выше отмечено, налицо явные пережитки сасанидского стиля. Керамика этого типа еще не изучена и в ближайшее время станет предметом специального исследования. Имеются группы керамики (ручки с розетками от неполивных сосудов,¹ фигурные изображения коней и другие), более других отражающие пережитки сасанидского стиля. Повидимому, эти группы керамики относятся ко времени арабского завоевания и арабской власти в Средней Азии, т. е. ко времени от конца VII и до начала IX вв.

Мне представляется, что наличие в пережитках черт сасанидского стиля делает эту керамику весьма ценной, по-

¹ Уже после написания полевого отчета мной среди явно позднесасанидского материала с Кафир-Калы обнаружены аналогичные ручки с розетками.

скольку она для Средней Азии восполняет пробел между домусульманским временем и временем Саманидов.

По окончании раскопа № 1 решено было заложить шурф в цитадели в целях установления, если не наиболее раннего, то наиболее позднего существования жизни здесь. Говорю „не наиболее раннего“, ибо культурный слой залегает здесь весьма глубоко, но пройти его в оставшиеся дни было невозможно. Место для раскопа здесь было предложено Г. В. Григорьевым, который провел на развалинах Пейкенда 22—24 мая 1939 г. и руководил первыми штыками этого шурфа. Раскоп начат был с площадки 2×3 м, но в скором времени увеличен был до площади 5×6 м. Шурф этот, как и следовало ожидать, оказался весьма сложным, что прежде всего обуславливалось наслоением построек одного времени на постройку другого. Вела этот раскоп Н. П. Кипарисова, начат он был 23/V и прерван 3/VI 1939 г.

В верхнем слое было найдено несколько черепков тимуридского времени, чем окончательно устанавливается, что жизнь в Пейкенде, если не как в городе, то как в крепости в конце XIV и XV вв. была. Шурф в цитадели дал обильный материал для суждения о характере построек, однако имевшие здесь место наслоения одних построек на другие затрудняют без большой предварительной работы дать их верное описание. Последнее будет более целесообразным сделать в подробном научном отчете экспедиции.

Большую работу проделал В. А. Шишкин по составлению плана ближайших окрестностей шахристана, где по нашему предположению должен был находиться Пейкендский рабад, т. е. торгово-ремесленное предместье. В своей работе „Развалины старого Пейкенда“ Л. А. Зимин считал рабадом место, лежащее на восток и на северо-восток от кухендиза.¹ Здесь расположено несколько холмов, из которых главный с могилой Ходжи Абдуллы Зарбахша² был, по мнению исследователя, центральной частью базара. Наши наблюдения и работа В. А. Шишкина над планом дали другие результаты. С трех сторон шахристана, западной, южной и восточной, и по сей день видим остатки культурной жизни и строений, которые самым тесным образом связаны были с жизнью центрального городища (см. план окрестностей Пейкенда).

Привожу несколько выписок из рабочего дневника В. А. Шишкина.

„К югу от городища, за предполагаемыми воротами шахристана II, прекрасно прослеживается несколько крупных зданий.

¹ ПТКЛА, отд. оттиск. Развалины Пейкенда, 1913 г., стр. 26.

² Теперь могилу эту называют Саис-ата.

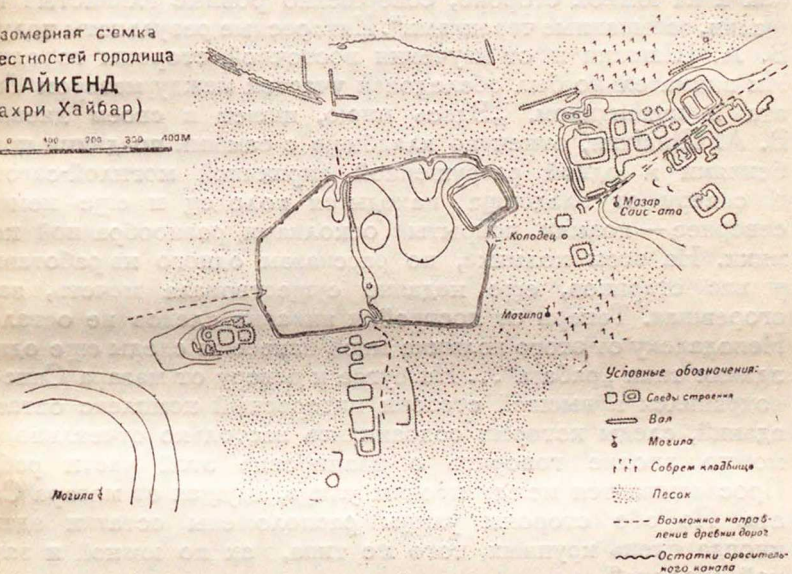

Следы этих зданий замечаются в широкой впадине. Повидимому, это тип караван-сараяв („рабат“). Вероятно, остатков подобных зданию на южной стороне сохранилось значительно больше, чем мне удалось проследить, так как покрывающие всю местность песчаные барханы не дают возможности видеть поверхность земли. Местность к югу от шахристана I также покрыта песками. В редких прогалинах между песками я наблюдал везде совершенно плоские глинистые пространства, густо усеянные черепками и осколками жженого кирпича. В составе подъемного

Глазомерная съемка
окрестностей городища

ПАЙКЕНД
(Шахри Хайбар)

0 100 200 300 400 М

материала, находящегося на этих площадках, по сравнению с тем, который имеется на самом городище, я никаких особенностей не заметил. К югу от башни № 7 (угловая) скрыта песками, повидимому, довольно значительная возвышенность, поверхность которой также покрыта песками. В ложине между этой возвышенностью и тем бугром, на котором находится отмеченная мной на плане могила (к ю.-з. от башни № 7), черепков на поверхности не видно.

По западной стороне городища на естественной возвышенности, примыкающей почти вплотную к нему, имеются остатки довольно значительного здания того же типа, что и на южной стороне, а рядом с ним следы других зданий, более мелких. Под склоном этой возвышенности, с северной ее стороны, можно угадать дорогу, которая вела к западным воротам города.

По северной стороне городища видны несколько довольно длинных низких и узких валов и несомненные следы арыков. Трудно, конечно, ручаться, что это древние арыки. Проследить их удалось только на небольшом расстоянии. Остатков зданий на этой стороне не нашел. Возможно, что они засыпаны песками, однако есть возможность предположить, что вся эта местность, представляющая собой ровную низменность, была орошена и занята в древности садами и другими сельскохозяйственными площадями. В прогалинах между песками наблюдаются, так же как и на южной стороне, совершенно ровные глинистые площадки, засыпанные черепками". Интересные результаты получил В. А. Шишкин и от изучения восточной стороны городища. Им внимательно был обследован участок между мазаром Саис-ата и кухендизом. „Здесь мною, пишет в своем дневнике В. А. Шишкин, отмечено кладбище с самыми поздними погребениями и одной разрушенной кирпичной могилой-сагоной. К северу от кладбища находится колодец и еще немного севернее — холмик, покрытый осколками разнообразной керамики. На этом холмике, по рассказам одного из работавших у нас стариков, еще недавно существовала мечеть, затем сгоревшая. Теперь от постройки никаких следов не осталось. Неподалеку от этого холмика мной нанесены следы еще одного здания типа „рабата"... На бугре к северу от мазара Саис-ата сохранился в высшей степени интересный комплекс остатков зданий, следы которых сохранились настолько отчетливо, что можно вполне говорить о планировке этой части рабада. Прослеживается между прочим улица, идущая от мазара Саис-ата. По обе стороны улицы расположены остатки зданий, иногда очень крупных, того же типа, как по южной и западной стороне“.

В. А. Шишкин прекрасно выполнил задачу историко-топографического осмысления ближайших окрестностей городища. Внимательное рассмотрение сделанного им плана этих окрестностей окончательно убеждает, что рабад Пейкенда, по крайней мере уже в X в., был большим по площади и значительным по своей роли в жизни города.

В своем отчете о работе 1913 г. Л. А. Зимин дал, хотя и не исчерпывающий, однако достаточно полный свод сведений из письменных источников (арабских и персидских) о жизни Пейкенда в раннее средневековье. Сведения эти можно сопоставить с данными археологического наблюдения, однако сделанная им попытка, в силу недостаточно внимательного изучения самих развалин, требует пересмотра. Выше мною уже отмечено, что только рассмотрение исторической топографии шахристана дает возможность понять то место ат-Табари (ал-Мадаини), в котором говорится, что арабский полководец Убейдуллах

ибн-Зияд в 674 г. взял половину Пейкенда. Не заметив внутренней стены городища, Л. А. Зимин дал иное историческое истолкование этому месту, считая под „половиной“ незащищенный стенами рабад в с.-в. стороне городища. Это истолкование по-моему ошибочно вдвойне. Во-первых, оно не учитывает упомянутой выше внутренней стены, а во-вторых, предполагает уже значительный рабад в Пейкенде во второй половине VII в., что едва ли исторически для Пейкенда возможно.

Ал-Макдиси и Нершахи дают интересные сведения для исторической топографии Пейкенда. Оба они упоминают не только о рабаде, но и о большом количестве рабатов. Ал-Макдиси¹ говорит о 1000 рабатов, а Нершахи² — о большом их количестве, что, конечно, явно преувеличено и ни в какой мере не могло соответствовать действительности. Нершахи поясняет, между прочим, что нужно понимать под пейкендскими рабатами. По его словам, в них собирались зимой люди из соседних селений для войны с неверными, т. е. кочевниками-тюрками. Постоянным жителям этих рабатов каждое селение отправляло нужное им содержание. Изучение ближайших окрестностей, где расположен пейкендский рабад, приводит к заключению, что, по крайней мере, часть этих рабатов была расположена на его территории. Здесь рабаты играли в мирное время роль каравансарая, а в военное могли быть обращены в укрепленные пункты, где сходились ополчения по селениям для борьбы с кочевниками. Дальнейшее обследование, по всей вероятности, вскроет немало следов древних рабатов и в более отдаленных от шахристана местах, чем территория рабада.

Большое внимание на следующем этапе археологического изучения городища Пейкенд должно быть уделено западной „половине“ шахристана (шахристан II), где хорошо сохранились развалины 10 башен и несколько кусков стены. Пока только начата расчистка развалин башни № 2. На поверхности городища Пейкенд было найдено свыше 200 монет, из них около 140 цельных. Монеты в большинстве медные и только несколько серебряных. Монеты для определения были представлены А. А. Быкову и по общему впечатлению последнего могут быть разделены на следующие группы.

- 1) Кушанские монеты I—II в. х. э.
- 2) Монеты сасанидского круга, быть может согдийские, с вдавленной поверхностью. На одной стороне — изображение головы, на другой — жертвенники. Тип монет еще не изучен.
- 3) Согдийские поздние монеты, по форме китайские с четырехугольной дыркой. На одной из них имя Тархуна (VIII в.).

¹ ПТКЛА, отд. оттиск. Развалины Пейкенда, 1913, стр. 7; BGA, III, 281.

² Ук. соч., стр. 8; Нершахи, изд. Schefer'a, стр. 16.

- 4) Медные саманидские монеты (X в.). Самая большая группа.
- 5) Монеты илек-ханов (XI—XII вв.). Их очень немного.
- 6) Тимуридские монеты.
- 7) Бухарские монеты XIX в. Несколько штук, повидимому случайные.

Чтобы сделать надежные выводы из подобных находок, необходимо произвести еще несколько подобных сборов. Однако уже сейчас ясно, что жизнь в Пейкенде оживленнее всего была в X в., так как чаще всего на городище встречается саманидская монета. Не мало встречалось и кушанских монет, что определенно указывает на существование и торговое значение в это время Пейкенда. Таковы в самых общих чертах результаты новой археологической разведки на развалинах Пейкенда.

Другая партия Зарафшанской экспедиции работала, как выше сказано, на городище Тали-Барзу и Кафир-Кала. Здесь под руководством зам. начальника экспедиции Г. В. Григорьева в раскопках принимали участие: 1) А. Я. Борисов, 2) Ф. А. Кондратьева, 3) студент IV курса Истфака САГУ — Г. П. Савельев, 4) студентка-практикантка II курса Истфака ЛГУ — В. А. Ильинская и 5) приехавший из-за болезни позже других — А. М. Белецкий. Фотографом тали-барзинской партии был С. И. Устинов, принимавший участие и в работах на развалинах Пейкенда.

Ввиду того что Тали-Барзу в течение трех лет подвергалось уже серьезному археологическому изучению, экспедиции этого года не пришлось делать необходимой предварительной работы, т. е. составлять плана городища, производить подробную фотосъемку и т. д. Более того, в 1936, 1937 и 1938 гг. в Тали-Барзу производились планомерные раскопки Г. В. Григорьевым на средства и по поручению Самаркандского музея. Городище Тали-Барзу лежит в 6 км на юг от Самарканда, в самом сердце древнего Согда, в районе, о котором арабские географы¹ писали, как о наиболее культурной части последнего. Район этот был когда-то самостоятельным владением Маймург. По словам арабских географов,² здесь выделялось селение Ривдад, где находились местопребывание самаркандского ихшида и его укрепленные замки. Тали-Барзу представляет собой городище, обращенное своими четырьмя сторонами почти точно по странам света. Центральный холм городища, поднимающийся над окружающей местностью на 18 м. Будучи в плане каре, Тали-Барзу имело, повидимому, в середине большой двор. В настоящее время площадь Тали-Барзу равна 5 гектарам.

¹ Ал-Макдиси, BGA, III, 279; В. В. Бартольд. Туркестан, II, 96.

² Ибн-Хаукаль, BGA, II, 372.

В древности укрепленное это поселение занимало площадь значительно большую. За долгие века, протекшие после прекращения жизни здесь, огромные части городища были скрыты окрестными дехканами для получения земли, идущей на удобрение полей. Само городище представляет собой сложный комплекс разного рода построек, разобраться в которых можно только в процессе тщательно проводимых раскопок. Вышеуказанные раскопки Г. В. Григорьева дали на Тали-Барзу шесть культурных слоев, на основе которых можно судить об историческом прошлом Тали-Барзу. Приведу из рабочего дневника 1939 г. Г. В. Григорьева примерное определение и датировку этих слоев.

- Т Б I — первая половина первого тысячелетия
- Т Б II — V—IV вв. до х. э. („ахеменидский период“)
- Т Б III — III—II вв. до х. э. („эллинистический период“)
- Т Б IV — I в. до х. э. — II в. х. э. („кушанский период“)
- Т Б V — V—VII вв. х. э. („позднесасанидский период“)
- Т Б VI — конец VII и начало VIII вв. х. э.

„По раскопкам прошлых лет слой Т Б I, относящийся к первой половине первого тысячелетия до х. э., хорошо представлен в центральной вышке, где он лежит на материке на глубине 2 м от современной поверхности двора. На площади остального городища этот слой не обнаружен. Надо полагать, что в это время существовало здание в центре и небольшое каре вокруг него. Каре, остатки которого сохранились до настоящего времени, появилось лишь во время Т Б II, причем не в его начальный период, а в его второй половине. Слой Т Б I характеризуется наличием статуэток архаического типа и форм, близких к формам Каунчи II Янгиюльского района. Т Б II характеризуется статуэтками с ахеменидскими элементами в коронах с зубцами и керамикой, расписанной ленточным орнаментом. Т Б III характеризуется появлением значительного количества статуэток с явным греческим влиянием. Т Б IV характеризуется появлением статуэток, образков в буддийском стиле, и древнесогдийской надписью. Т Б V характеризуется появлением совершенно новых форм, сделанных по формам сасанидского серебра и статуэток с тюркскими чертами лица и булавами. Т Б VI датируется согдийскими монетами, литыми по китайскому образцу с квадратной дыркой посредине, а также характеризуется керамикой с голубовато-зеленой поливой и формами керамики, хорошо известными по Афрасиабу.

Каре появилось в Т Б II в его второй половине и было использовано в эллинистический период. Около углов каре было укреплено башнями, между которыми шли постройки из сырцового кирпича и пахсы с циркульными сводами. Точно

такие же башни были построены и в центральной вышке, причем под ними уже было погребено два здания. В башнях находятся вещи ахеменидские и эллинистические, причем в раскопе № 2 эти вещи хорошо расслаиваются. В кушанский период замок местами начал приходить в разрушение, и к нему делались пристройки из иного кирпича и по иным принципам постройки. Такие добавки есть в ю.-в. углу городища и в западном обресе, где видны уже не циркульные, а стрельчатые своды. III и IV вв. х. э. городище, повидимому, пустовало и вновь занято в V в. х. э. (м. б. даже в IV), когда старые постройки были забиты глиной и все каре было обнесено мощной стеной толщиной до 12 м, от которой в настоящее время остались лишь небольшие куски, прикрывающие стены основного здания. Под остатками внешней стены находится башня с бойницами, расположенными радиально в два ряда. Здесь иногда находятся, кроме ахеменидских и эллинистических, кушанские вещи. В конце VII и начале VIII вв. замок был перестроен и вся его площадь была занята постройками из кирпича разм. $45 \times 25 \times 9$ см. Здесь найдены монеты последних согдийских царей, бурхархудата и первая поливная керамика“.

Тали-барзинская партия Зарафшанской экспедиции 1939 г. должна была выполнить следующие задачи: 1) Проверить правильность стратиграфических выводов (упомянутые выше шесть культурных слоев), для чего вновь заложить несколько шурфов-раскопов в наиболее многослойных местах городища. Сделать это было необходимо, так как весьма важно иметь действительно точные датировки при определении вещественных памятников домусульманского Согда. 2) По возможности максимально обследовать сасанидский слой на центральном холме городища Тали-Барзу. 3) Провести расчистку башни для выяснения ее структуры в наиболее удобном для этого месте. 4) Провести несколько раскопов для обследования сасанидского слоя на Кафир-Кале. Естественно, что главное внимание тали-барзинской группы было сосредоточено на выполнении первой задачи. В северной части городища имеется большая траншея, идущая от площадки у быв. здесь когда-то кирпичного завода к центру городища. Траншея глубиной в 5 м ценна в том отношении, что обнажает несколько культурных слоев, вплоть до самых нижних. Первый раскоп решено было заложить на месте дорожки, ведущей через траншею к центру городища. Раскопочная площадка была заложена размером $3,5 \times 7$ м на уровне глубины траншеи в направлении с с.-в. на ю.-з. Здесь естественнее всего было ожидать наиболее древних слоев городища. И действительно, под настилом дорожки пошел материал ахеменидской эпохи — характерные для этого времени венчики котлов, венчики хумов, обломки оссуария от задней

стенки. Почти в центре раскопа вскрыто дно ямы, устроенной, повидимому, для хранения зерна. Она относится к кушанскому слою, так как в ней был материал ТБ IV. Раскоп этот получил условное наименование раскопа № 2а, поскольку он был заложен вблизи раскопа № 2, проведенного Г. В. Григорьевым в 1938 г. Раскоп № 2а играл роль контрольного и тотчас же после выяснения стратиграфической картины был оставлен.

Раскоп № 2б заложен был на холме городища, на запад от упомянутой траншеи, размером 4 × 4 м. Раскоп этот, как и все остальные, был разбит на метровые квадраты. С первых же штыков находки дали сасанидский материал (фрагменты сосуда с оттисками гранатов, с следами слюды на поверхности черепка), к сожалению, материал шел очень дробленный в очень твердом грунте, следов построек в раскопе обнаружено не было. На глубине 4,0—4,5 м сасанидский слой сменился кушанским, давшим характерные обломки хумов с прямыми венчиками и котлов с венчиками типа ТБ IV. Почва глинистая с прослойками зелени. В следующем за кушанским¹ — ахеменидском слое был найден весьма ценный фрагмент хума с изображением Гопатшаха — пастуха-царя (быка с лицом человека). Руководитель раскопа А. Я. Борисов, не доведя последнего до материка, временно прекратил раскоп и перенес работу на другое место. Однако через несколько дней раскопки на площадке № 2 были возобновлены. Появились черепки с ленточным орнаментом фиолетового цвета и фрагменты статуэток. На глубине 8,45 м начался песок типично арычного характера, что подтвердило уже сделанное прежде предположение о прохождении здесь арыка. В этом слое найдена статуэтка коня с уздечкой, „с характерной, по словам Г. В. Григорьева, для ТБ I трактовкой гривы без человека“. Раскоп № 2в был заложен в виде продолжения раскопа № 2. Продолжение выразилось в том, что к последнему с юга прибавили 8 метровых квадратов. Верхний слой раскопа № 2в очень скоро дал сасанидский материал. Среди прочего найден сосуд с канелюрами, в виде кружки с ручкой. На глубине 4,0 м пошел кушанский слой с характерным для этого периода материалом. Ниже его, на глубине 6,5 м, обнаружены небольшие фрагменты хорошо выраженной эллинистической керамики. Вела раскоп Ф. А. Кондратьева. Вместо него заложен был раскоп № 2д вдоль восточного обрыва упомянутого выше раскопа № 2.

Под руководством А. М. Беленицкого заложен был раскоп № 2г по той же восточной стороне раскопа № 2, но только вблизи его северного угла. Работа началась здесь с освобо-

¹ Эллинистический слой в данном раскопе неясен.

ждения насыпи, образовавшейся от раскопа № 2 1938 г. Первые штыки верхнего культурного слоя дали венчики котлов, характерные для конца VII и начала VIII вв., и чашечку с голубовато-зеленоватой поливой. На глубине около 4,0 м начался значительный кушанский слой, но без достаточно интересных вещей; вслед за кушанским, на глубине 6,0 м, пошел слой эллинистический с интересными находками — несколько человеческих головок под ручками сосудов. Вещи эти высокой художественной ценности вроде тех, что уже были обнаружены на Тали-Барзу в предшествующие годы. Наряду с ними здесь найдено несколько целых сосудов. 1/VI в раскопе № 2г дошли до материка, в силу чего и прекратили работы. Последняя находка здесь — сосуд с животным на ручке, относящийся, повидимому, к ТБ II. Лессовый слой здесь оказался очень крепким. Вещи интересные стали попадаться только с кушанского слоя. Найдена фигурка коня с султаном и статуэтка человека с большим носом. В кушанском же слое найден был верхний камень жернова. Работы на раскопе были прекращены ввиду того, что пошел материк.

Одновременно с раскопом № 2д А. Я. Борисов заложил шурф на юг от раскопа № 2. Условия работы были здесь, однако, весьма неблагоприятны, ибо несколько десятков лет назад здесь был фруктовый сад, и верхний слой не дал ничего кроме согдийской монеты Тархуна. Даже самое краткое описание вышеприведенных раскопов включает в себе достаточно материала для того, чтобы согласиться с правильностью утверждения, что работа предшествующих лет на Тали-Барзу вскрыла шесть культурных слоев, последовательно идущих один за другим, хотя в ряде мест можно найти, если считать с наиболее позднего, только три, а то и два слоя.

Два работника — Г. П. Савельев и студентка-практикантка В. А. Ильинская — были специально направлены на расчистку башни конца ахеменидской эпохи в ю.-в. углу городища. Раскоп был заложен размером 4 × 4 м. В процессе работы выяснено, что состояла башня из трех с половиной звеньев, сложенных из пахсовой глины в перемежку с сырцовым кирпичом. Между звеньями стена образует нечто вроде ниши. Восточное звено башни находится в разрушенном состоянии, от него сохранилась только западная стенка с остатками бойницы. „В нише обнаружены, по словам Г. В. Григорьева, две бойницы“. Повидимому, по мнению последнего, башня эта пришла в полное разрушение уже в кушанский период. В сасанидскую эпоху (III—VII вв.) башни забиты глиной и обнесены сплошной стеной. Площадь с остатками башни представляет собой настолько сложную картину, что требуется

специальное рассмотрение, на которое не может претендовать краткий предварительный археологический отчет.

18/V. Работы на башне были оставлены, и Г. П. Савельев был переведен на Кафир-Калу для заложения шурфа в квартале гончаров. Кафир-Кала очень сложное городище, требующее серьезно поставленного археологического стационара. Шурф № 1 преследовал лишь стратиграфические задачи. Заложен он был на восточном берегу Илян-сая, вдоль обрыва, где хорошо видны обнажения культурных слоев. Здесь сразу пошел ярко выраженный сасанидский материал. Г. П. Савельев заложил неподалеку еще два раскопа, в том и другом оказалась та же картина. Среди находок мы имеем сосуды или фрагменты сосудов с оттисками гранатов и следами слюды на поверхности, терракотовые человеческие фигурки, фигурки животных, рельефное изображение человеческой головы на глиняной пластинке, глиняную печать и другие предметы, из которых многие с ярко выраженными чертами сасанидского стиля. Шурфы-раскопы закончены были на Кафир-Кале 4/VI и дали прекрасный музейный материал, не говоря уже о его большой научной ценности. Таковы в самых общих чертах результаты работ на Тали-Барзу в 1939 г. В заключение следует отметить, что один из местных колхозников во время земляных работ нашел на Тали-Барзу 29 кушанских серебряных небольших монет, по форме вдавленных, с изображением головы с одной стороны и лучника с другой. Монеты без надписей и все одного выпуска.

EXPÉDITION ARCHÉOLOGIQUE DE LA VALLÉE DU ZARAVCHAN EN 1939

Pendant l'été 1939 une expédition archéologique, sous la direction du professeur A. Yakubovsky, fut envoyée par l'Ermitage et l'Institut Marr de l'histoire de la culture matérielle pour exécuter des fouilles dans la vallée de la rivière du Zaravchan.

L'expédition s'était divisée en deux groupes. L'un d'eux effectua des fouilles à Tali-Barzou (vestiges d'une ville à six kilomètres au sud de Samarkand). L'autre fit une nouvelle exploration archéologique à Paykend, dont les ruines se trouvent à neuf kilomètres de Yakatout, station du chemin de fer d'Achkhabad.

D'après une levée de plan faite à l'oeil, la superficie du chahristan de Paykend est de 20 hectares; la circonférence des restes de ses murs—2 k., la superficie de kouhendiz—1 h.

chahristan est divisé par un mur mitoyen en deux parties: la partie d'est — la plus ancienne (chahristan I) et la partie d'ouest qui lui est postérieure (chahristan II). Dans le chahristan I on ne trouve que quelques fragments insignifiants de murailles et sur la surface on ne voit pas de vestiges de tours. A chahristan II, au contraire, se sont conservés les restes de murailles, et des tronçons de dix tours distancées l'une de l'autre de 70 mètres. L'expédition a effectué des fouilles dans deux endroits et l'on a déterré en outre les restes d'un four de poterie. Le premier endroit fut choisit à chahristan I, le deuxième — à kouchendiz. Le déblayage du four a été effectué à chahristan I près de la muraille du sud. La céramique de Paykend est très intéressante. Son trait caractéristique est la survivance du style sasanide sur des objets du IX et même du X siècle. Parmi les objets trouvés il faut nommer quelques figurines en terre, qui représentent des chevaux et d'autres animaux, ainsi qu'une grande quantité de monnaies de Sogd samanides, timourides.

On a effectué encore un immense travail pour explorer les alentours de Paykend vers l'est, le sud et l'ouest de chahristan où était situé le rabad de Paykend. L'endroit le plus riche en vestiges d'une vie culturelle se trouve à l'est de chahristan. A coup sûr ce rabad a été formé par la réunion d'autres rabads qui s'y trouvaient antérieurement et que mentionnent des sources du X siècle.

Le groupe qui travaillait à Tali-Barzou continua surtout les fouilles effectuées par G. Grigoriev pendant ces dernières années. Cette année-ci on a fait six fouilles qui ont contribué à l'appui de la raison de diviser le matériel historique de Tali-Barzou en six couches culturelles.

1-re couche — première moitié du premier millénaire avant notre ère.

2-me couche — VI—IV siècles avant notre ère „période achéménide“.

3-me couche — III—II siècles avant notre ère „période hellénistique“.

4-me couche — I siècle avant notre ère jusqu'au II siècle de notre ère „période de Kouchan“.

5-me couche — V—VI siècles de notre ère „période sasanide“.

6-me couche — fin du VII et commencement du VIII siècles de notre ère.

Parmi les objets qui méritent surtout d'être signalés citons un fragment de houm avec l'image d'un taureau à tête d'homme — Gopat—šah, roi-pasteur, plusieurs belles petites têtes du style hellénistique, 29 monnaies de Kouchan et d'autres objets.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
В ЗАРАФШАНСКУЮ ДОЛИНУ 1934 г.

(Из дневника начальника экспедиции)

Перед археологами и историками Средней Азии давно стоит вопрос об укрепленных стенах против кочевников. Остатки стен сохранились до нашего времени в нескольких местах советских среднеазиатских республик. Не входя в описание этих остатков, так как об этом не раз упоминается в работах В. В. Бартольда,¹ мне хочется подчеркнуть, что были обследованы только две стены: 1) Дивари-Кыямат, окружавший Самарканд, и его ближайшие селения протяжением в 40 с небольшим километров, и 2) Кампыр-Дувал, окружавший не только Бухару, но и большую часть ее рустаков и входящих в них селений и городов. Дивари-Кыямат был осмотрен и описан В. Л. Вяткиным² в 1903 г., а Кампыр-Дувал — Л. А. Зиминым в 1915 г.³ Ввиду того что последнее описание было весьма кратким и достаточно поверхностным, а сама стена, судя по письменным источникам, играла крупную роль в жизни Бухарского вилайета в VIII—IX вв., перед работниками Отдела Востока Государственного Эрмитажа и Узкомстариса встал вопрос о новом, уже более подробном обследовании как Кампыр-Дувала, так и, хотя бы части, известной в средние века Самаркандской дороги, идущей от Бухары до Самарканда.

¹ Более всего у В. В. Бартольда. К истории орошения Туркестана, стр. 35, 49, 107, 143.

² В. Л. Вяткин. Справ. книга Самаркандской области, VIII, 277 и след. Его же. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайета. Справ. кн. Самарк. обл., 1902 г., стр. 21 и сл.

³ ПТКЛА. Год двадцатый. Вып. 2, 1916 г. Отчет о двух поездках в Бухару с археологической целью, стр. 129—146. В 1934 г. Г. В. Григорьевым был обследован еще один Кампыр-Дувал в районе Ташкента. См. Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе Узб. ССР в 1934 г. Изд. Ком. Наук Узб. ССР, Ташкент, 1935 г., стр. 48.

Наиболее интересным участком этой дороги нам представлялся отрезок между жел.-дор. станциями Кызыл-тепе и Каттакурганом (табл. № 1). Осуществить нашу задачу было тем легче, что остатки Кампыр-Дувала, как это мы знали, в главной своей части лежали на указанной дороге.

В состав совместной (Эрмитаж и Узкомстарис) экспедиции вошли научные работники — В. Н. Кесаев, В. И. Казимиров, В. А. Шишкин, Турды Мир-Гиязов и Яхья Гуламов. Начальником экспедиции был проф. А. Ю. Якубовский.

Археологическое обследование Кампыр-Дувала началось 18/V—34 г. с жел.-дор. станции Кызыл-тепе.

На расстоянии 2 км к северу от поселка при ст. Кызыл-тепе виднеется холм (табл. 1, 1), по имени которого и названа станция. Дорога к холму Кызыл-тепе идет по рыхлой солончаковой земле, которую и пересекает кусок старого вала в виде ясно выделяющейся припухлости, по верху которой сейчас накатана арбяная дорога. В окружности холм имеет 240,8 м при высоте от 11 до 12 м. Зимин или жестоко ошибся, или в его работу вкралась опечатка, во всяком случае приведенная в его отчете цифра 69 шагов не соответствует действительности. К холму с запада подходят, не доходя до него на 10 м, остатки стены Кампыр-Дувала в виде вала, тянувшегося непрерывно много более чем на 800 м. Такая же стена протяжением в 145 м в виде вала подходит к холму, не доходя до него на 25 м. Таким образом, холм должен был играть роль крепости у места, где стена резко изгибалась и где, по видимому, были ворота. Характерно, что параллельно указанному валу видны еще внутренние валы, более стертые, за которыми четко выступает городище, имеющее в окружности 432 м. Вышеупомянутые внутренние стены в сохранившейся части идут параллельно валу Кампыр-Дувала. Городище почти квадратное. На нем четко видны развалины строений, и вся площадь забита разнообразными черепками (неполивными и поливными), а также шлаками и фрагментами облицовки гончарных печей. Среди неполивных наиболее распространенными являются черепки розоватого теста, у которых по белому ангобу дана роспись красными и реже черными ангобными полосками. Среди поливных встречаются черепки с бирюзовой поливой и расписные подглазурные. Расположение городища у самого холма, где сходятся западная и южная стены, говорит о том, что перед нами укрепленный рабат под защитой стен Кампыр-Дувала (табл. 1, 2) и внутренних, о которых сказано выше.

19/V. Поливная керамика на городище определенно указывает, что лежащие перед нами развалины должны быть отнесены ко времени не позже захвата власти в Средней Азии

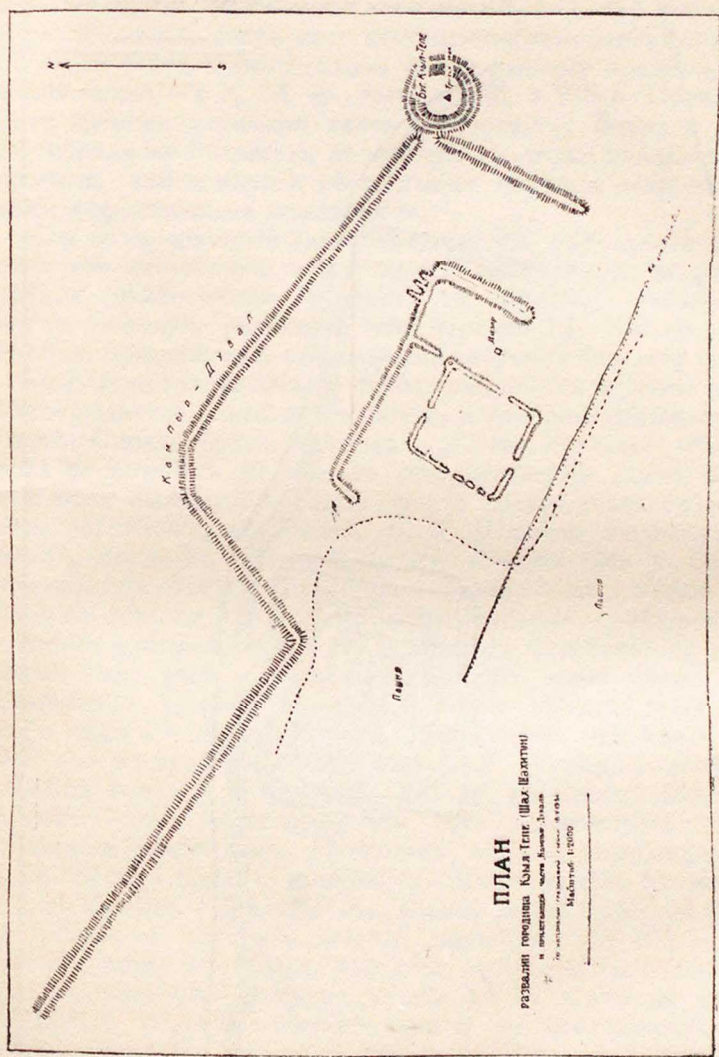

Рис. 1. План развалин городища Кызыл-Тепе
Составил В. Н. Кесселев

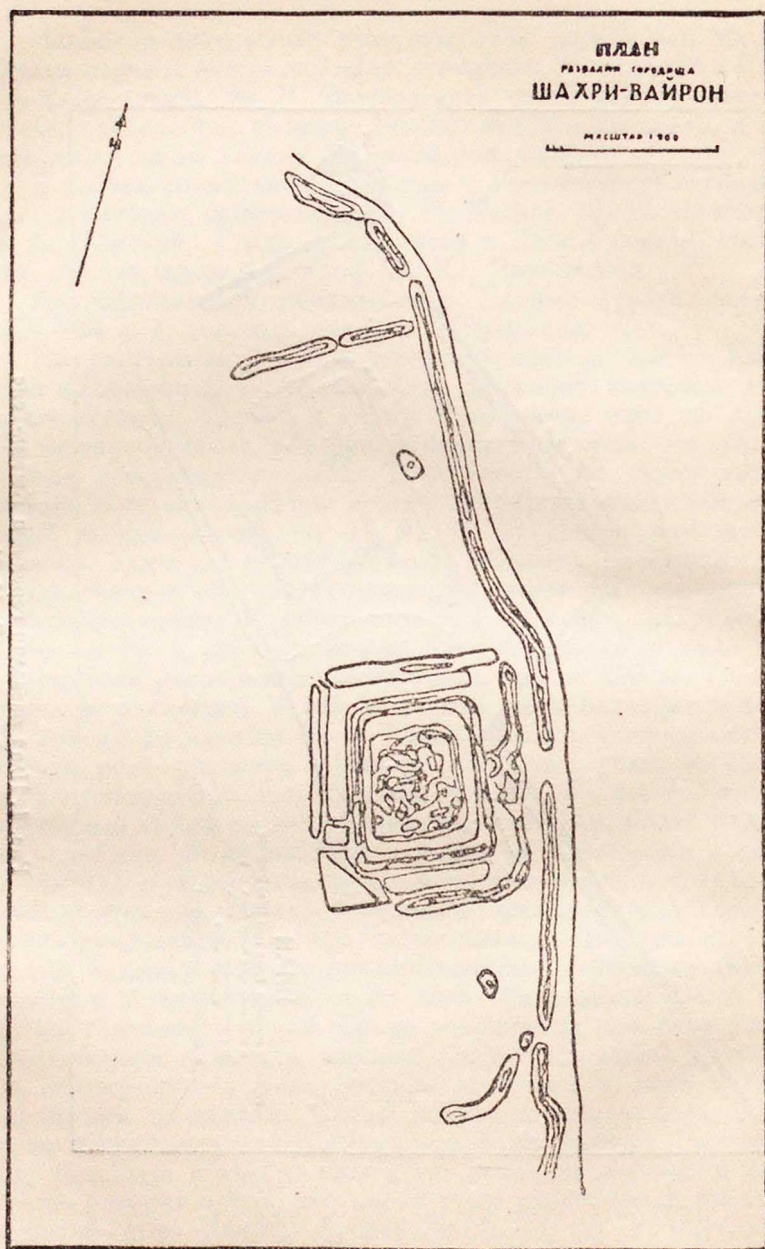

Рис. 2. План развалин городища Шахри-вайрон
Составил В. Н. Кесаев

монголами, ибо поливная керамика по характеру своему относится или к началу монгольского периода, или ко времени XI—XII вв., что же касается неполивной, то в ней разобраться не очень легко. Часть ее с несомненностью относится к XI—XIII вв., а часть к значительно более раннему времени, заходя вглубь веков — в X, IX вв., быть может в VIII в. Повидимому, более древняя керамика здесь отсутствует. Вчера и сегодня мы собрали не большую, но полную по видам коллекцию этой керамики, чем и начали сбор наших научных материалов по линии вещественных памятников.

Сам холм, который является остатком укрепления, интересен в том отношении, что и на его поверхности встречаются черепки, аналогичные черепкам на городище рабата, с той только, пожалуй, разницей, что черепки XI—XIII вв. на нем вовсе не встречаются; это хороший аргумент в пользу того, что после X в. крепость уже не функционировала, и таким образом подтверждается известие Нершахи, в котором сообщается, что Исмаил Самани будто бы сказал: „Стена Бухары — я“, и приказал ее оставить (в смысле обслуживания). Дело, конечно, не в этих словах, а в самом факте прекращения содержания здесь гарнизонов из газиев. В. А. Шишкин выдвинул точку зрения, согласно которой холмы Кандык-тепе и Баш-тепе, лежащие на восток от холма в степи, — сторожевые башни, которые должны были телеграфом костров сообщать о приближении врагов кочевников. Обзорение окрестностей с холма Кызыл-тепе дает возможность сделать одно очень важное заключение. Отсюда прекрасно видна граница земледельческого оазиса в кочевой степи. Характерно, что более чем за 1000 лет со времени построения этой оборонительной стены границы оседлой и кочевой культур не изменились, причем не изменились настолько, что есть возможность говорить о полном совпадении. Несколько слов о городище рабата. В. Н. Кесаев сделал с городища глазомерную съемку с помощью бусоли. Городище это являет собой правильный квадрат, стороны которого имеют, примерно, по 108 м. Стена местами имеет пробоины, что дает возможность ознакомиться с ее структурой. Толщина стены 3,5 м. Сложена стена из сырцового кирпича, сформованного из песчанистой массы, лесса и мелкого галечника (разм. кирпича $10 \times 35 \times 50$ см). Для городища рабата характерно, что остатки строений занимают $\frac{3}{4}$ его площади, $\frac{1}{4}$ площади, лежащая в северной части городища, была незастроенной. В северо-восточном углу ясно выступают контуры развалившейся башни. Повидимому, и в других углах имелись такие же башни. Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что на городище имеются следы гончарных печей и шлаков. Рабаты, как известно, стоя на границе

оседлой и кочевой части полосы, были не просто укрепленными пунктами, ставящими своей целью защиту от нападений кочевников, а являли собой и места товарообмена, где ремесленникам отведено было не малое место. В подъемном материале городища мы можем видеть лучшее доказательство этого положения.

20/V. Утром пришли в кишлак Суфьян в расстоянии 1 км от Бустана. Здесь находится холм по имени Кудакон-тепе, лежащий на юг от Суфьяна и на север от Булак-равата. Названия селений с окончанием на „рават“ нам начинают попадаться очень часто. Это не случайно и находится в прямой связи с Кампыр-Дувалом. С этим нам не раз еще придется столкнуться. Холм, который приковал наше внимание, по размерам своим невелик, рядом с ним холмистый участок, где теперь кладбище. Черепки на поверхности холма и в обвалах его краев встречаются в изобилии. Это или неполивные, чаще всего знакомые нам расписные по белому ангобу красными и реже черными ангобными полосками, или поливные (бирюзовые и подглазурные расписные). Датируются они в одной своей части не позже XII в., а в другой — уходят в домусулманское время. Тепе, подобные Кудакон-тепе, рассеяны здесь через каждые 2 км, а то и чаще, и представляют собой остаток когда-то существовавших здесь кошков — замков могущественных дехкан. В некоторых участках холма заметна кладка сырцовым кирпичом размером $10 \times 50 \times 35$ см. Большой низкий холм, где сейчас кладбище, дает площадь — 35×56 м. Еще более интересный холм оказался в Бустане, к сожалению, исследовать его нам не удалось. Тем не менее, мы сделали попытку осмотреть его. Холм имеет в окружности более 400 м. Дать точную цифру нельзя было, ибо в некоторых участках к холму примыкают строения, которые мешают обмеру. Как у Кудакон-тепе, рядом с холмом лежит холмистый большой участок, занятый сейчас кладбищем. Черепки, которых здесь много, типичны для этих мест: по белому ангобу имеется роспись красными и черными полосками. Черепки этого типа, по видимому, относятся ко времени VIII—X вв., а может быть и более раннему. Едва ли можно сомневаться, что и здесь, как и на Кудакон-тепе стоял кошок крупного местного земельного владыки-дехкана. В направлении на север, в кишлаке Бова-Хушарти находится тот же тип холма с остатками любопытной старой постройки из жженого кирпича. Постройка была двухэтажной и имеет башенного типа ворота. В настоящее время место это считается местом погребения Бова-Хушарти, местного святого. Уже за сегодняшний день можно сделать заключение, что тепе или холмы вышеупомянутого типа встречаются через каждые $1\frac{1}{2}$ —2—3 км, а иногда и чаще, и связаны всегда

с селениями, над которыми они властвовали, а может быть и сами являются остатками укрепленных селений. Для удобства работы мы переместились в кишлак Майты, который находится на одинаковом расстоянии от Шахри-вайрона и Абу-Муслим-тепе. Первое впечатление от Шахри-вайрона очень сильное. Редко мне приходилось видеть столь ярко выраженное городище. Его стены, которые идут параллельными рядами, его структура указывают, что перед нами древний комплекс, видимо, огромный кухендиз и шахристан.

21/V. Сегодня отправились на арбе за 3 км в Бова-Хушарти, о котором я написал несколько слов еще вчера. Здесь в кишлаке бросается в глаза большое городище, сильно изрытое, часть которого захвачена под кладбище, видимо, старое. Городище это типично для остатков укрепленного поселения. Керамика та же, что и везде в изучаемых пунктах: красноватый черепок покрыт белым ангобом с росписью красными, реже черными ангобными полосками. Черепки, видимо, все не моложе X в. Еще вчера я отметил своеобразное здание, которое занято в настоящее время под мечеть. Это здание из жженого кирпича размером $25 \times 25 \times 4,5$ см. Самая характерная черта здания в том, что оно двухэтажное; к сожалению, от второго этажа сохранился только низ, да и то фрагментарно. Вход в здание с востока через ворота, опирающиеся на два устоя башенного типа, слегка суживающиеся кверху. Правый устой составляет как бы одно целое с постройкой. По восточной стене здания прорезаны три небольших стрельчатых окна размером 70×90 см. Над стрельчатыми окнами в стену заведены деревянные разгрузочные (?) балочки. Непосредственный вход в здание со двора, с юга, через стрельчатый „портал“, быть может, позднее пристроенный. Внутри здания деревянный потолок на двух деревянных колоннах, потолок явно поздний. По всей вероятности, перед нами полуразвалины древней светской постройки, использованной впоследствии под мечеть. Очень хочется думать, что это феодальный кошк XVI—XVII вв., который возник на старом дехканском пепелище.

22/V. Весь день проработали на городище Шахри-вайрон. В основном городище представляет собой большой четырехугольник, точнее, квадрат стен, прекрасно сохранившихся с трех сторон: южной, восточной и северной. С западной, как видно из прилагаемого плана стена сохранилась только местами, да и там, где она сохранилась, высота ее значительно ниже. Стены эти давно уже стали валами (рис. 2), однако по южной и северной сторонам сохранились остатки стен, выложенных из сырцового кирпича размером $40 \times 20 \times 10$ см. Сохранилась местами сырцовая стена и по западной стороне,

кирпич ее размером $41 \times 21 \times 9$ см. Характерно, что в разрезе западная стена (точнее вал) дает, начиная с основания, сырцовый кирпич (до верхнего слоя) $27 \times 27 \times 9$ см. Длина внешних стен представляется в следующем виде: восточная — 203 м при ширине у основания 12 м, северная — 206 м при ширине у основания 14 м, западная в сохранившейся части — 164 м, южная в сохранившейся части — 180 м при ширине у основания 12—14 м. Высота северной стены 7 м. Внутри внешних стен как бы вписан еще квадрат стен с четко обрисовывающимся контуром. Стены эти по южной стороне имеют в длину 134 м, по северной — 129 м, по западной — 147 м, по восточной — 186 м. За внутренней большой стеной и расположена главная часть огромного кухендиза, двор которого, в свою очередь, окружен был стеной. Вал последней хотя и не выступает так четко, однако виден достаточно хорошо. Северная сторона двора кухендиза 110 м, южная — 120 м, восточная — 135 м, западная — 140 м (черт. 2).

За стеной этой, в самом центре городища видны остатки крупного ко́шка (табл. II, 2), от последнего сохранился кусок стены из сырцового кирпича, размером $15 \times 40 \times 40$ см. Нельзя не отметить следующего факта: в остатке этом мы имеем чрезвычайно редкий случай сохранившегося на поверхности фрагмента жилого дома — замка явно домусульманской эпохи (табл. II, 1—2).

Между ко́шком и стеной двора кухендиза, а также между последней и большой внутренней стеной мы имеем ряд небольших холмиков, представляющих собой остатки построек, связанных с главным домом, укрепленной усадьбой владельца города. Постройки эти могли носить или служебный характер, или были жилищем слуг и приближенных последнего. С восточной стороны к ко́шку подходят два симметрично лежащие холмика, наводящие на мысль, что здесь существовали когда-то башни. В пространстве между большой внутренней и внешней стенами почти не сохранилось никакой припухлости земли, которая говорила бы об остатках бывших здесь построек, за исключением восточной стороны, где виднеются три небольших холма. Что это? Остатки жилья или крепостных сооружений? Ответить на этот вопрос можно только путем закладки шурфа в пространстве между внешней и внутренней стеной. Мне, да и большинству участников экспедиции, представляется, что все пространство между этими стенами было ровом. В северном участке и сейчас вода, а в южном сильно заболоченная земля. Вход в городище виден только в северо-восточном углу его внешней стены. Труднее решить вопрос, откуда входили в центральную часть кухендиза со стороны большой внутренней стены. Ни с одной стороны нельзя найти

ярко выраженного места ворот. Правда, в восточной стороне (большой внутренней стены) в двух точках, вблизи северо-восточного угла и вблизи юго-восточного угла, видны небольшие выемки в верхней части вала. Стены городища как внешние, так и большие внутренние поражают шириной своего основания. Цифры размера основания внешней стены отмечены выше. Восточная внешняя стена идет параллельно Кампыр-Дувалу на расстоянии 8 м от него, как отметил еще Зимин в своем кратком отчете. На юг от южной стены городища видна еще стена в форме сохранившегося вала, поставленного перпендикулярно Кампыр-Дувалу. К сожалению для археолога, все это пространство занято сейчас пашнями за исключением центральной части, где видна значительная припухлость земли, что явно представляет собой следы былых построек. Вблизи эта припухлость разворачивается в два ряда холмиков, идущих параллельно друг другу. Между ними узкое пространство, по поводу которого Турды Мир-Гиязов высказал правильное предположение, что это следы улицы. Однако, весь этот участок так распахан, а земля так часто вывозилась, что здесь почти нет черепков. Та же картина наблюдается и с северной стороны, за северной стеной. Там в ряде мест выступают так же остатки строений, как и на юге от городища. К сожалению, с севера не сохранилась перпендикулярная Кампыр-Дувалу стена, которая, видимо, здесь также была. Зато мы имеем на этом участке вторую стену, параллельную Кампыр-Дувалу сейчас же за арыком Абу-Муслима. Стену эту мы еще не проследили. Местные дехканы говорят, что она тянется до холма Абу-Муслим-тепе. С западной стороны городища, за внешней западной стеной, мы совсем не видим следов построек, — здесь все распахано и использовано под пашни и сады. Увезена отсюда и земля в большом количестве для удобрения. Черепков здесь также почти нет. Нельзя не отметить еще один факт: следы построек видны даже с восточной стороны (уже в пределах степи). Здесь, повидимому, бывали периодически базары, где происходила торговля со степью. Для всего этого городища чрезвычайно характерно то, что оно стоит в полном смысле слова на границе земледельческой полосы и кочевой степи (табл. III, 1). И не случайна здесь такая связь между городищем и всей системой Кампыр-Дувала. Начинает, наконец, вырисовываться самое важное, а именно топографическая природа Шахривайрона. Все в целом городище в пределах квадрата внешних стен есть несомненно крупный кухендиз оседлой земледельческой полосы и кочевой степи. На юг, север и запад от него следы бывшего здесь шахристана. Но как его имя, что был здесь за город? Естественный вопрос этот Л. А. Зимин

оставил без ответа. В. В. Бартольд высказал предположение, что это Тававис. В $3\frac{1}{2}$ км, как показано на карте, лежит селение Таваис, а вдруг развалины Тавависа там? Необходимо сделать туда экскурс.

23/V. Отправились с В. А. Шишкиным сегодня за 3,5 км в сторону к кишлаку Таваис. Пришли сначала в кишлак Хамрабат, а потом в Таваис. Выйдя за пределы Хамрабата, мы сразу же натолкнулись на дехкана — араба по происхождению. Вскоре встретили в поле еще группу арабов, которые и дали нам чрезвычайно интересные сведения. Прежде всего, кишлак носит общее имя Кассагарон и распадается на 4 составные части: Таваис, Арабон, Кассагарон, Давашиан. Арабы-дехканы оказались прекрасно помнящими свое далекое прошлое. Они рассказали, что на месте Шахри-вайрона когда-то, много сот лет назад, был большой, богатый город, а те места, где сейчас находятся Таваис и Арабон, являлись его хайятами, и здесь же был тауззор, т. е. рассадник, питомник павлинов. Характерен дальше в их рассказе и тот факт, что они помнят, как прежде назывался Шахри-вайрон; имя его было Таваис. Далее из разговоров выяснилось, что Таваис, Кассагарон, Арабон, Давашиан населены только арабами и таджиками, узбеков здесь нет. Таким образом, сомнений больше нет, Шахри-вайрон есть остатки известного когда-то Таваиса или Тавависа. Возвращаясь в Шахри-вайрон, мы с В. А. Шишкиным решили пройти к тому месту Кампыр-Дувала, где находятся остатки, повидимому, рабата или, по крайней мере, укрепления VIII—X вв. на границе кочевой степи против существующего еще кишлака Хамрабата. Едва ли можно сомневаться, что рабат этот, находящийся как раз посредине между холмом Кызылтеп и Шахри-вайроном, носил прежде имя Хамрабат. От рабата сейчас остался четырехугольник валов, точно ориентированный по странам света. Собственно говоря, это квадрат, северная и западная сторона которого, по обмеру В. А. Шишкина, равны 35 м, при южной — 37 м и восточной — 40 м. Диагональ ю.-в. — с.-з. = 70 м.

На восток от квадрата стен в степи видны следы валов, разобратся в которых в короткое время трудно, однако ясно, что они тесно связаны с данным рабатом. В. А. Шишкин направился на обследование и промеры следов этих валов. Уже первых его наблюдений было достаточно, чтобы сделать заключение, что здесь перед стенами укрепленного рабата (Хамрабат) были постройки для периодических базаров или точнее ярмарок, быть может, это даже остатки караван-сарая. Характерно, что на расстоянии 43 м от восточной стены рабата находится квадратная яма — явный остаток хауза или даже сардаба.

До Шахри-вайрона пришлось идти по крайней мере 3 км. Шли валом Кампыр. Кстати, слова Кампыр-Дувал здесь никто не знает: все называют вал Кыр. Пришли к 2 ч. на Шахри-вайрон. Там работа по обследованию городища была в полном разгаре. Провели три раскопа, вернее шурфа, о которых можно сказать следующее: первый шурф явно показал, что пространство между внешней и внутренней большой стеной не было местом жилья, постройка здесь не было. Был вырыт шурф, шириной в 1,6 м, длиной 1,8 м. На 80 см в глубину был песок „летучий“, за ним 50 см была лессовая земля, а за ней сразу вода. Таким образом, в этих 1,3 м не было никаких следов культурной жизни. Шурф этот был заложен в юго-восточной части пространства между внешней и большой внутренней восточной стенами. 2-й небольшой раскоп был произведен между большой внутренней стеной и стеной хаули в юго-восточной части городища. Здесь явно обнаружались остатки жилой небольшой комнаты. Пол ее залит алебастром. Вскрыт был и фундамент, сложенный из песка и галечника, скрепленных алебастром. Срезы стены показывают, что она была выложена из глинобитной массы, в состав которой входили — лесс, песок, мелкий кристаллический необожженный алебастр. Рядом с остатками комнаты вскрыт был культурный слой, давший много простых глиняных нерасписных черепков от хумов. На некоторых из них видны следы орнаментации, исполненные путем вдавливания пальцами и штампа. Один из них от сосуда, сделанного без гончарного круга. 3-й небольшой раскоп, вернее шурф, носящий контрольный характер, был заложен в северо-западной части хаули: он обнаружил стену малого дома из сырцового кирпича размером $27 \times 27 \times 9$ см. Тогда же были произведены, правда, самые примитивные, обмеры центрального участка развалин. Длина северной стены хаули 92 м, западной—105 м, южной—94 м и восточной—107 м. Длина сторон площади, где помещался кошк: северной—19,5 м, западной—21 м, южной—18 м, восточной—19,5 м.

Есть цифры и по высоте стен. Измерение шло сначала по северной стороне. Высота наружной—8,20 м, внутренней большой—5 м, стены хаули—5,6 м, стены кошка—9,5 м. По южной стороне высота стен выглядит в следующем виде: наружная—7 м, внутренняя большая—6 м, стена хаули—6 м, стена кошка—7,2 м.

В пространстве между внешней и большой внутренней стенами был ров. Вся остальная площадь кухендиза была покрыта постройками, имеющими или служебный характер или представляющими жилье приближенных и родственников владельца Тавависа. Вчера Турды Мир-Гиязов много возился с изучением строительных материалов Шахри-вайрона. Приведу наиболее

существенные данные этой работы. Размер кирпича северной стены кухендиза $40 \times 20 \times 10$ см. Материал — лёсс. Выложен — сырцовый кирпич на алебастре, смешанном с мелкой галечкой и песком. Стена в сердцевине имеет набор разного мусора, кусков кирпича, галки, скрепленного алебастром. Сырцовый кирпич охватывает с двух сторон эту сердцевину слоем в 1 м метр толщиной с каждой стороны. Размеры кирпича южной стены те же, что и северной. Западная стена в разрезе с основания дает сырцовый кирпич размером $27 \times 27 \times 7$ см. В верхней части кирпич меняется, и его размеры уже $41 \times 21 \times 7$ см. Кирпич этот выложен на глине. Во внутренней большой стене, западном углу ее, кирпич сырцовый размером $37 \times 30 \times 7$ см и $31 \times 27 \times 10$ см. Кирпич этот также выложен на глине. Наконец, остаток стены кошка имеет сырцовый кирпич размером $40 \times 40 \times 15$ см. Кирпич этот из галечника песка и кристаллического необожженного алебастра выложен на алебастре с песком и галечкой. Размеры остатка стены кошка в длину 4,5 м, а в ширину — 2,4 м. В. Н. Кесаев с помощью В. И. Казиминова сделал бусольную глазомерную съемку всего городища, а также разрезы городища с юга на север.

В целом Шахри-вайрон исключительно городище, где легко расчлнить мусульманские наслоения VIII—X вв. от домусульманской основы. К сожалению, этот замечательный памятник сохранил только большой кухендиз, отличающийся от обычных кухендизов сложной системой укреплений. Значительно труднее было наметить в нем границы шахристана. Большая часть последнего, в результате длительного вывоза окрестными дехканами земли на поля в качестве удобрения, превратилась в пустырь, где не сохранилось, по крайней мере на поверхности, следов былой жизни. Следы шахристана видны только на юг и север от кухендиза.

Уже обследование двух только пунктов — Кызыл-тепе и Шахри-вайрона убедило членов экспедиции в том, что Кампыр-Дувал представлял собой сложную систему укреплений, в которую входили не только рабаты, но целые города, как, например, развалины города, известные сейчас под именем Шахри-вайрон, что и значит „разрушенный город“. Позволю себе вкратце подвести итоги нашей работы на Шахри-вайроне. Перед нами несомненно остатки Тавависа, сохранившиеся, увы, как раз в той части, о которой ал-Макдиси во второй половине X в. писал, что она в развалинах и совершенно разрушенная во всем остальном, что было целым при нем. В развалинах при нем был кухендиз, а целым — шахристан.¹

¹ Ал-Макдиси. BGA, III, 281.

В своей статье „Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях“ В. В. Бартольд писал: „На расстоянии около 5 в. к северу от Кызыл-тепе (повидимому, от холма) к валу с запада примыкают развалины, известные под именем Шахри-вайрон (разрушенный город). Зимин довольно подробно описывает эти развалины, но не делает вывода, который, казалось бы, напрашивается сам собой: что Шахри-вайрон — развалины Тавависа“.¹ В. В. Бартольд оказался прав, и вся приведенная им аргументация, построенная на расчетах постоянной дорожных маршрутов, оказалась при внимательном обследовании оправданной. Наиболее подробный рассказ о Тавависе приведен у Нершахи. Мы узнаем прежде всего, что имя города в доарабское время было Аркуд и что переименовали его вследствие того, что в городе было много павлинов. Арабы называли его „зат-и-таваис“, т. е. „обладатель павлинов“. Впоследствии „зат-и“ отпало, и город стали называть просто Таваис или Тававис. Издревле в этом городе бывал большой торг, продолжавшийся 10 дней, где продавали разные ткани — занавесы, покрывала и другие. Народу на торг (ярмарку) съезжалось ежегодно более 10 000 человек.

По словам Нершахи среди них были не только купцы, скупавшие товары для торговли, но и люди, которые покупали ткани для собственного употребления. На торг в Тававис приезжали люди не только из ближайших окрестностей, но и издалека, из Ферганы и Чача (Ташкентского района). Нершахи особо подчеркивает, что богатство города выросло не за счет земледелия его жителей, а за счет торговли. Как особенность торговли в Тавависе, Нершахи отмечает тот факт, что ни торговцев, ни покупателей не допускали возврата и обмена товара даже в случае обнаружения большого недостатка.²

Ал-Истахри как бы несколько добавляет сведения Нершахи. Город он называет не Таваисом, а Тавависом, отмечает также значительный торг в определенное время года, говорит, что отсюда вывозили в различные области платья из хлопчатобумажных тканей, указывает, что в городе много воды и садов, что он имеет крепость (кала) и шахристан.³ В Тавависе, по словам обоих авторов, имелась соборная мечеть. Выше мне уже приходилось указывать, что, согласно ал-Мақдиси, во второй половине X в. кала (крепость) лежала уже в развалинах,⁴ что вполне понятно, так как Кампыр-Дувал еще

¹ Восточные записки, т. I, стр. 23.

² Нершахи, изд. S. Schefer'a, персидский текст, стр. 11; русский перевод Н. Лыкошина, стр. 20.

³ BGA, I, 313—314.

⁴ BGA, III, 281.

в начале X в. прекратил по распоряжению Исмала Самани (874—907) функционировать как система укреплений против кочевников.

24/V. Сегодня промерили стену, параллельную Кампыр-Дувалу и идущую рядом с арыком Абу-Муслима, построенную, повидимому, для его защиты. В. А. Шишкин высказал предположение, что вторая стена (теперь вал) была возведена для защиты орошения Тавависа.

Главным объектом наших занятий был Абу-Муслим. Абу-Муслим-тепе — мощный холм, — остаток когда-то сильного и ответственного укрепления. С холма Абу-Муслим-тепе открывается вид на Зарафшан и его долину (табл. III, 2) на степь, на земледельческую культурную полосу (табл. IV, 1), на Кампыр-Дувал и развалины Тавависа. Тепе стоит у самого Зарафшана, образуя своей северной стеной отвес над его водами. Более того, характерно, что именно в этом самом месте лежит голова арыка Абу-Муслима, орошавшего когда-то Тававис и его окрестности. Для Бухарского района эта точка имела несомненно огромное значение, ибо, кроме Абу-Муслим арыка, здесь берут свое начало каналы, от которых расходятся арыки по ряду рустаков (табл. IV, 1). Названия даю в современной номенклатуре. По левую сторону Зарафшана: 1) Майта, небольшой арык, вытекающий из Зарафшана в месте, лежащем на восток от холма Абу-Муслим-тепе. Проведен он, по рассказу жителей, не более 150 лет назад. 2—3) арык, Кучар, из которого тут же, у стены Абу-Муслим-тепе, вытекает арык Абу-Муслим. По правую сторону: 1) Шапуркам, 2) Султанабад, 3) Пирмаст, 4) Кальканруд, 5) Мазаранган, считая каналы от дальнего к ближайшему по отношению к Абу-Муслим-тепе или с востока на запад. Некоторые из этих арыков переменили свои имена по сравнению с далеким прошлым, другие, как это видно из самих названий, их сохранили. Вышеприведенных данных достаточно, чтобы сделать заключение, что Абу-Муслим-тепе не просто укрепление в системе Кампыр-Дувала, а нечто значительно большее. Как мы увидим ниже, анализ строительных материалов Абу-Муслим-тепе, наблюдение над всей его структурой приведут к мысли о его домусульманском прошлом. Но даже если бы не было этого аргумента, одного общего взгляда на все, что окружает Абу-Муслим-тепе, достаточно, чтобы сказать, что тепе это существовало задолго до времени арабского завоевания. Место, где находился целый пучок голов арыков, откуда выходили важные водные артерии, орошавшие целую округу, имело решающее значение. Тот, кто прочно владел этим местом, был хозяином и самой округи. Вот почему местный владыка, по всей вероятности, владетель Шахри-

вайрона (Тававис), и выстроил здесь укрепленный замок, защищавший головы всей сети выходящих отсюда каналов. У ибн-Хаукаля есть чрезвычайно интересное место, где он говорит, что в его время из Зарафшана в окрестностях Тавависа выходило несколько каналов. Нет сомнения, что он имеет в виду головы арыков у Абу-Муслима.¹ У всех из нас, кто наблюдал с высоты Абу-Муслим-тепе вышеотмеченную панораму, не было сомнения в том, что система Кампыр-Дувала приурочивалась к тому, что здесь сложилось задолго до конца VIII в., когда по известному рассказу Нершахи начата постройкой эта большая стена. Абу-Муслим-тепе, в основе своей домусульманское укрепление, лежит, как выше сказано, на самом берегу Зарафшана. Высота его по восточному склону (со степи) 26 м. Это самая низкая точка. В окружности он — 194 м. На холме развалины огромной постройки из сырцового кирпича, размеры которого по южной стене $54 \times 27 \times 7$ см, западной стене — $40 \times 21 \times 10$ см, северной стене — $40 \times 20 \times 15$ см и восточной стене — $40 \times 20 \times 10$ см. Размеры открывшейся комнаты $2,70 \times 2,70$ м. Размеры кирпича $54 \times 27 \times 7$ см (табл. № 14). Кампыр-Дувал подходит к нему с восточной стороны, образуя таким образом своей стеной как бы внешнюю ограду, защиту данного места. Дойдя до самого берега, Кампыр-Дувал круто поворачивает на восток и тянется по самому берегу вверх по реке, в результате чего защищает не только Абу-Муслим-тепе, вернее головы арыков, но всю северную полосу Зарафшанской долины. Рассказы дехкан из кишлака Майта оказались правильными: второй вал (параллельный и вместе с тем по отношению к Кампыр-Дувалу внутренний) почти подходит к самому Абу-Муслим-тепе. Еще более разительным является тот факт, что у Абу-Муслим-тепе расположено довольно большое городище, ныне перерезанное головой арыка Майта (табл. IV, 2). Городище это в одной части (восточной) занято современным кладбищем, а в другой (большей) — буквально забито подъемным материалом, состоящим главным образом из неполивных черепков, фрагментов облицовки гончарных печей и шлаков. Только тщательный анализ собранной на его поверхности керамики поможет решить, к какому времени относится жизнь на этом городище. Среди черепков преобладают фрагменты неполивной посуды. Всю керамику приходится делить по месту находок. То, что встречается в качестве подъемного материала на городище, — уже знакомые нам по этому району неполивные черепки красноватого теста, покрытые белым ангобом с росписью красными, коричневыми, а иногда и чер-

¹ BGA, II, 359.

ными полосками. Сюда же относятся и глазурованные черепки, которые попадаются не так часто. Обращают на себя внимание фрагменты сосудов с бирюзовой поливой. Значительно более интересная группа — это черепки, найденные на кладбище, которые при рытье могил из глубины вместе с землей выбрасывались на поверхность. Среди этих черепков чаще всего попадаются экземпляры из розоватого, вернее красноватого теста, покрытые во внутренней части красным ангобом и тщательно вылощенные. Судя по черепкам, сосуды этой техники были разнообразны по величине и форме. По-видимому, они уходят глубоко в древность и значительно старше сасанидской эпохи. Характерно, что наряду с красными черепками попадаются и черные. Встречаются в большом количестве и фрагменты штампованных неполивных сосудов из хорошо отмученной глины. Нельзя пройти мимо и того факта, что на городище среди могил часто попадаются глиняные фигурки лошадей, головы баранов и другие. Среди расписных черепков найдено несколько любопытных экземпляров. Красноватое тесто покрыто белым ангобом (полоски и розетки) и черным цветом (стилизованный растительный орнамент). Черепки близки к известным расписным подглазурным фрагментам афрасиабской посуды. Вернусь теперь к самому городищу у холма Абу-Муслим-тепе. Точные границы его определить не очень легко, ибо валы не везде сохранились. Приходится ориентироваться пределами распространения черепков. Сделать это тем легче, что последние лежат почти сплошной массой и с определенных точек резко прекращаются. Все это пространство и забито шлаками, фрагментами облицовки гончарных печей и разнообразными черепками. Что же это за городище? Является ли оно остатком шахристана, лежащего у самого Абу-Муслим-тепе, который тогда был не чем иным, как кухендизом, или перед нами укрепление, рядом с которым был большой рабат с функциями настоящего города?

25/V. Вчера, рассматривая в бинокль с Абу-Муслим-тепе окрестности, заметили на горизонте, на севере, за Зарафшаном и далеко за культурной земледельческой полосой, развалины какой-то большой постройки. Вечером в чайхане нам стали рассказывать, что действительно существуют большие развалины, километрах в 16, в указанном направлении, но что они собою представляют, никто не знает. Нашлись эти развалины и на карте под именем кургана Кусчу. Кто-то даже стал уверять, что к развалинам идет заброшенное старое русло канала. После некоторых колебаний решено было отправиться пораньше туда на арбе, забрав с собой побольше фотопластинок. Зарафшан у Абу-Муслим-тепе очень выразителен. (табл. V, 1) Как мне уже приходилось отмечать

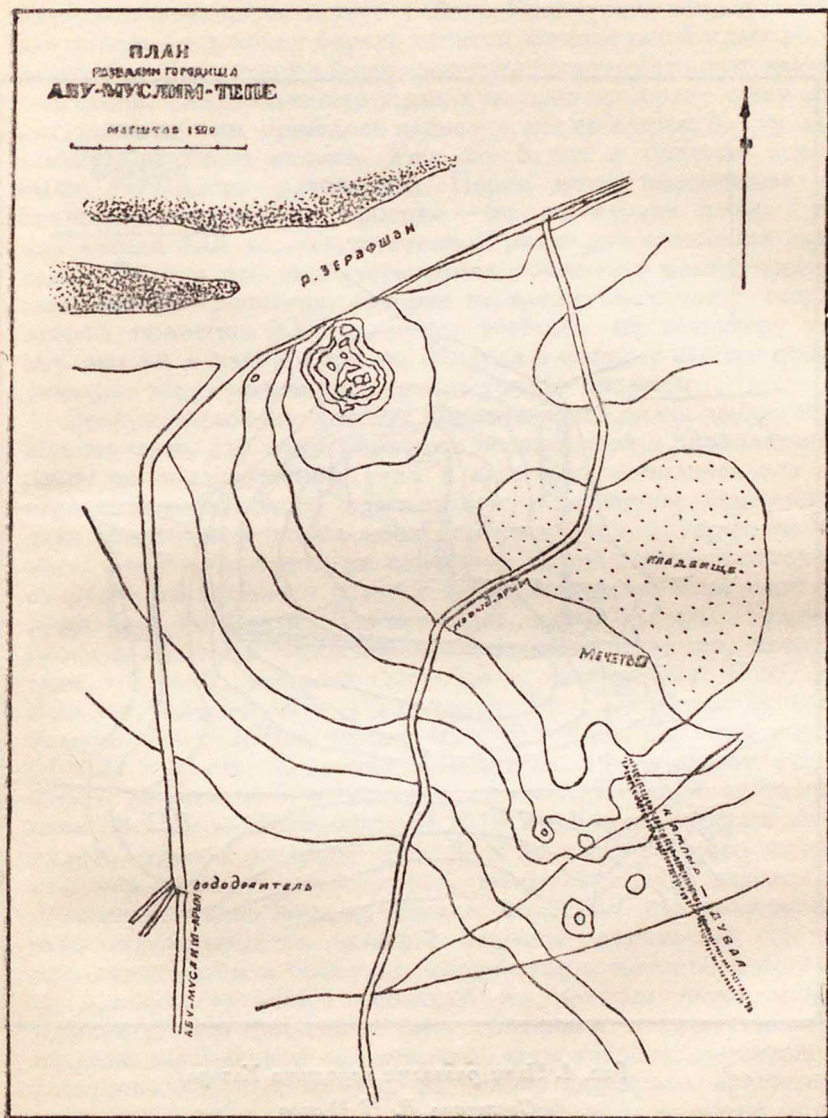

Рис. 3. План развалин городища Абу-Муслим-тепе
Составил В. Н. Кесаев

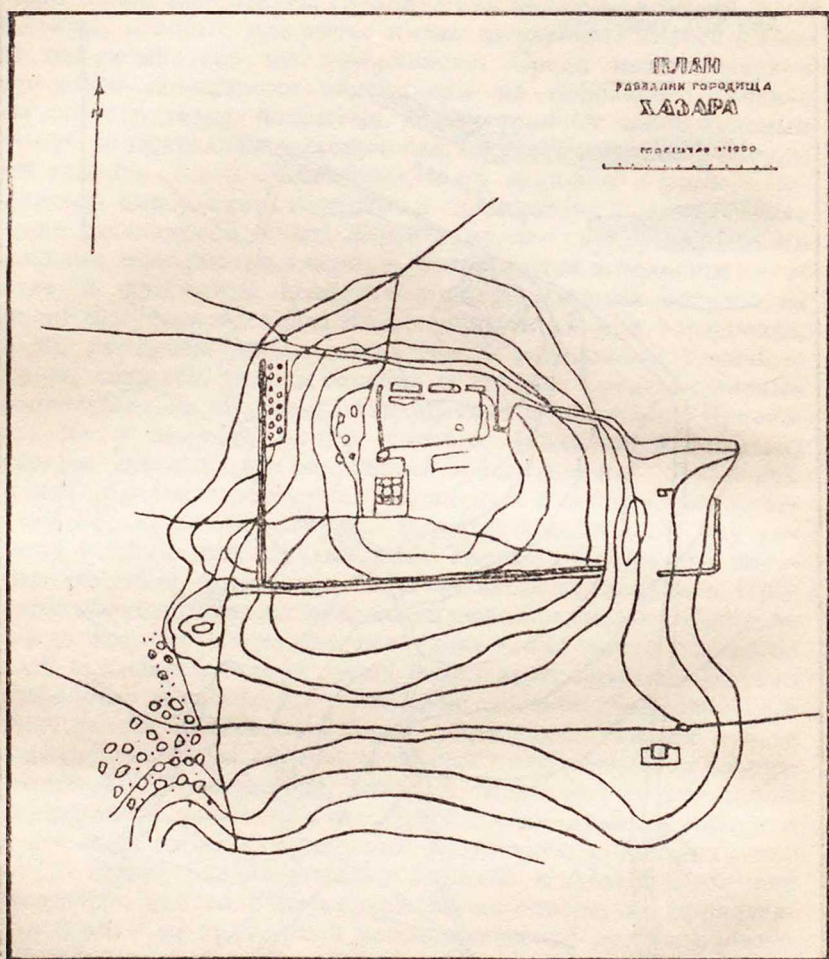

Рис. 4. План развалин городища Хазара
Составил В. Н Кесаев

выше, здесь мы находимся у самого сердца оросительной сети большого земледельческого района. Культурная земледельческая полоса по правому берегу тянется совсем узкой полосой, за которой и открываются безбрежные горизонты уже почти высохшей степи. Следов Кампыр-Дувала на правом берегу в тех точках, которые нам пришлось пересечь, мы не нашли. Кусчу действительно было далеко. Уже за 5 км в бинокль можно было разглядеть развалины. Перед нами вырисовывалось большое глинобитное строение — не то курган конца XVIII или начала XIX вв., не то степной рабат для остановки караванов. Вблизи это оказалось самая обычная и самая простая глинобитная крепостца, которая не могла быть никак старше второй половины XVIII в. Ввиду того что по характеру своему она ни в какой мере не входила в систему нашего обследования, мы ограничились одним только снимком.

Вторую половину дня мы провели опять на городище Абу-Муслим-тепе, где сбор керамики чередовался с продолжением работ по обследованию тепе и сложного комплекса его построек. Без опытного архитектора и раскопок невозможно дать его плана и понять всех его наслоений, которые на нем есть. Если посмотреть на сырцовые стены тепе с восточной стороны, то бросится сразу в глаза, что здесь один слой наращивался на другой. Таких слоев здесь четыре. Толщина слоев и величина кирпичей, если считать снаружи, следующие: 4-й слой, толщина его — 1,5 м, кирпич $54 \times 27 \times 7$ см; 3-й слой, толщина его — 1,5 м, кирпич $54 \times 27 \times 7$ см; 2-й слой, толщина его — 2,70 м, кирпич $40 \times 20 \times 9$ см; 1-й слой, кирпич $54 \times 27 \times 7$ см. Северная и западная стены имеют контрфорсы разных эпох и разного кирпича. Размеры этого кирпича $39 \times 39 \times 15$ см, $40 \times 27 \times 10$ см. Южная сторона имеет кирпич одного размера — $54 \times 27 \times 10$ см. Ясно, что здание это, перестраивавшееся не раз, выстроено было задолго до возведения здесь Кампыр-Дувала, особенно это обстоятельство подчеркивается красной лощеной керамикой, которая находится здесь в большом количестве и которая относится ко времени за много столетий до прихода сюда арабов. Думается, что поселение это, связанное с укреплением и обильно насыщенное продукцией ремесленного производства (вспомним черепки, шлаки), не только защищало культурную земледельческую полосу, но и производило, а также торговало со степью.

26/V. С раннего утра готовились к отъезду. Выезд был назначен на 5 ч. утра. Стоянку нашу надо было перебросить километров на 15 в кишлак Хазара по пути к Кермине. В этом пункте лежат Кампыр-Дувал, вытянутый по крутому берегу Зарафшана, и несколько связанных с Кампыр-Дувалом

разрушенных укреплений, вкратце отмеченных еще Л. А. Зиминим. Укрепления эти Иль-Мирза-тепе, Бури-хана и Гяч-тепе. Было совершенно ясно, что этот маршрут в один день можно только проехать, но не проработать. Решено было сделать остановку в Иль-Мирза-тепе, тщательно его обследовать, после чего и отправиться в Хазару с тем расчетом, чтобы оттуда можно было делать экскурсии на исследование как самого Кампыр-Дувала, так и наиболее интересной из сохранившихся его сторожей, именно Гяч-тепе. Сделать это было тем легче, что Гяч-тепе находится всего в 5 км от кишлака Хазары. Сами мы пошли по Кампыр-Дувалу (табл. III, 1) арбу отправили степью, где она должна была найти для себя, по указанию пастухов, арбяную дорогу. Приблизительно в 1,5 км от Абу-Муслим-тепе мы встретили оплывшие развалины большой башни, которая поставлена против головы большого арыка — известного сейчас под именем Султан-абад. Опять интересная связь между важнейшими точками укреплений Кампыр-Дувала и ответственными пунктами в системе искусственного орошения. Приходится только удивляться, как продуманно устраивали здесь охрану земледельческой полосы и особенно орошения от кочевников более тысячи лет назад. Иль-Мирза-тепе находится в 4 км от Абу-Муслим-тепе. Еще подходя к нему, нельзя было не обратить внимания, как выгодно поставлена здесь эта сторожа, если позволено будет употребить это слово. На искусственном холме, стороны которого = 40×50 м и в настоящее время представляют деформировавшийся четырехугольник, стоят развалины большого здания, выложенного из сырцового кирпича (табл. V, 2).

По данным обмеров развалин здания картина может быть представлена в следующем виде. Стороны здания при обмере дают: восточная — 20 м, западная — 14 м, северная — 18 м, южная — 16 м. В северо-западном углу здания имеется уцелевшее помещение с характерным сводом. Нижняя часть помещения засыпана землей; высота открытой части до замка свода имеет 2 м 46 см, длина уцелевшей части — 6 м 54 см, ширина — 2 м 35 см. Направление свода — с севера на юг. Свод „параболический“, если можно так выразиться. Кладка произведена из сырцового кирпича на глиняном растворе наклонными рядами (табл. VI, 1). Наклон по отношению к вертикали — 45° . В северном конце помещения имеется отверстие в форме окна. Ширина его 68 см, высота — 98 см. В северо-восточном углу часть свода обвалилась и обнаружила заполнение пазухи свода глиной, галькой и слоями положенного в беспорядке сырцового кирпича: в своде круглая дыра, диаметр около 25 см. По южной стороне в юго-западном углу имеются

еще остатки сводчатого помещения, свод такого же типа, как и предыдущий. Свод наклонен. Такая же у него и кладка. Помещение очень засыпано, открытая часть свода не выходит за пределы 50—60 см. В южной стене посередине имеется третий свод — коробовый. Размеры помещения: ширина 2 м 20 см, длина 2 м 40 см, высота 85 см. В западном конце этого помещения имеется ниша шириной в 1 м 10 см, глубиной в 1 м 20 см, а высотой в 60 см. На холме имеется ряд нескрытых помещений, не меньше 4. Одно из них прощупывается в юго-восточном углу холма, свод его несколько осел, что обозначались сверху неглубоким обвалом. В отверстии, образовавшемся сбоку, видна кладка свода.

Работы по обмерам и фото Иль-Мирза-тепе несколько задержались, надо было торопиться с отправкой арбы в Хазару, до которого было около 12 км. Решено было разбиться на две партии — одна должна остаться для окончания обмера, а другая направиться степью в Хазару. Ехать было нелегко, ибо дорога была местами трудная. Время от времени глаз наш останавливался с помощью бинокля на той или иной интересной точке. Гяч-тепе был прекрасно виден в бинокль и обещал оказаться благодарным объектом изучения. Уже издали ясно было, что в здании, помещенном на этом холме, формы настолько сохранились, что можно было благодаря им разобраться, наконец, по-настоящему в структуре этих помещений. Не прошли мимо нас и большие развалины из сырцового кирпича и пахсы вблизи кишлака Хазары, к которому мы подходили уже на закате солнца. Впереди среди зелени выступали строения кишлака, а за ними высилась какая-то древняя многокупольная постройка.

27/V. В Хазаре наше внимание сразу же привлекло замечательное здание. Одного взгляда было достаточно, чтобы сказать, что перед нами выступает памятник, которому по четкости, гармоничности своих архитектурных форм еще предстоит остановить на себе внимание всех, кому близки вопросы среднеазиатского, да и шире, восточного зодчества. Не входя в описание памятника, являющегося мечетью, ибо у него есть михраб, хочется только подчеркнуть, что здание все держится на четырех массивных колоннах, от каждой из которых расходятся две большие и две малые полуарки, которые, встречаясь с другими такими же полуарками, образуют большие и малые аркады. Памятник центрический, т. е. не имеющий портала. Мечеть стоит у самой цитадели (кухендиз) сейчас же за ее южной стеной, точнее сейчас же за ее юго-западным углом. Шахристан, повидимому, совсем невелик. Повсюду масса интересной керамики.

28/V. Почти все силы сосредоточены на обмерах, фото и изучении открытой мечети. Чем больше всматриваешься в эту постройку, тем более она нравится. Помимо того что постройка в себе заключает, интерес ее несомненно в том, что она составляет неотъемлемую часть всего комплекса, в который она так органически входит. Комплекс этот — кухендиз, шахристан, зародыши неразвернувшегося рабата и весь тот археологический материал, который здесь имеется. Здание определяется не только своей собственной конструкцией и формами, но и таким ярко исторически выразительным окружением, как вышеупомянутый комплекс. По сравнению с Шахри-вайроном городище Хазара значительно меньше. Лежит оно, как и все обследованные нами пункты, на левом берегу Зарафшана, повидимому, в местности, которая в далеком прошлом была ближе к реке, чем в настоящее время. По всем признакам Зарафшан передвинулся несколько на север. Городище Хазара состоит из кухендиза, шахристана и зародыша рабата. Кухендиз представляет собой четырехугольник, почти правильно расположенный по сторонам света. Его стороны в метрах: западная — 40 м, южная — 63 м, восточная — 29 м, северная — 15 м. К сожалению, от кухендиза осталась только, если так можно выразиться, наружная скорлупа. Повидимому, уже очень давно (самые глубокие старики не помнят, когда это было) из кухендиза окрестное крестьянство вывозило старый культурный слой на удобрение своих полей. В результате подобной операции от кухендиза, по существу, остались только южная (целиком), западная и восточная (в большей своей части) и половина северной стены. Собственно говоря, в северной стороне сохранились еще небольшие остатки культурного слоя. Было бы ошибкой думать, что в остатках этих мы имеем стены полностью. В настоящий момент сохранились только поздние, повидимому, в мусульманскую эпоху сделанные наслоения. Судя по некоторым признакам, почти целиком не сохранилась основная, наиболее древняя часть стен (сырцовая кладка), которая и выбрана тщательно на виноградник. В некоторых местах, как это мне показал Турды Мир-Гиязов, сохранились лишь кирпичи от нее.

В настоящий момент от стены в целом остались только более поздний пахсовый слой да так называемый ходжа-дивар, т. е. контрфорс. Толщина сохранившихся частей стен может быть выражена в следующих цифрах. Высота стен кухендиза — 6 м 45 см (в среднем), высота пахсового клина около 3 м (в среднем). К кухендизу примыкает небольшой шахристан, который идет от него на юг. Северная стена шахристана тянулась на 254 м и в средней своей части совпадает со стеной кухендиза. К сожалению, в западной и восточной

своих частях северная стена не сохранилась, и ее придется реконструировать по размерам и границам западной и южной стен. Южная стена тянется на 225 м, западная — на 153 м и восточная — в сохранившейся своей части на 90 м. От стен этих в настоящее время остались только оползшие валы, однако достаточно четко возвышавшиеся над уровнем всей площади. Территория шахристана покрыта разных размеров буграми, которые являются в настоящее время остатками бывших здесь когда-то строений. Едва ли я ошибусь, если выскажу предположение, что раскопки, проведенные здесь как следует, могут дать достаточно интересный материал по бытовой обстановке его населения как в раннемусульманский, так и домусульманский период.

За пределами шахристана на запад и отчасти на юг тянутся небольшие участки с так называемым культурным слоем, явные остатки жилья. Участки эти, к сожалению, трудно точно определить, ибо нет для них четких границ, однако размерами они очень невелики, и представляют собой явные признаки неразвившегося рабата. Был ли рабат за северной стеной, решить трудно, там сейчас поля, и все так изрыто, что и следов никаких не осталось.

В юго-западном углу шахристана можно увидеть еще стену, которая, по видимому, с юга охватывала западную часть рабата.

29/V. Для всего городища Хазары чрезвычайно характерно обилие керамики. Есть места, которые буквально засыпаны битой глиняной посудой. В отношении к керамике городище резко делится на две части: 1) кухендиз и шахристан и 2) рабат. Для кухендиза и шахристана характерны следующие типы: черепки из розоватого, вернее красноватого теста, покрытые ангобом, и расписанные красным же ангобом. Только это уже не просто полоски, которые часто встречаются в других обследованных нами местах, а целые композиции из горошинок, завитков, спиралей, полосок и т. д.; немало подобных черепков и с росписью черным ангобом. Многие из черепков этого типа имеют, кроме указанной росписи, еще украшения, сделанные путем штампов. Следует отметить большое разнообразие форм неполливной, а вместе с тем и нерасписной посуды как штампованной, так и с украшениями, полученными путем резьбы по глине, вдавливанием пальцем и т. д. Характерно, что на территории шахристана в восточной его части найден был и кусок сфероконического сосуда. Всего фрагментов этого типа обнаружено в разных точках шахристана несколько штук.

Нельзя не отметить еще одно важное обстоятельство. На территории шахристана найдено несколько черепков глазурированной посуды. Все эти черепки от чаш, у которых внутрен-

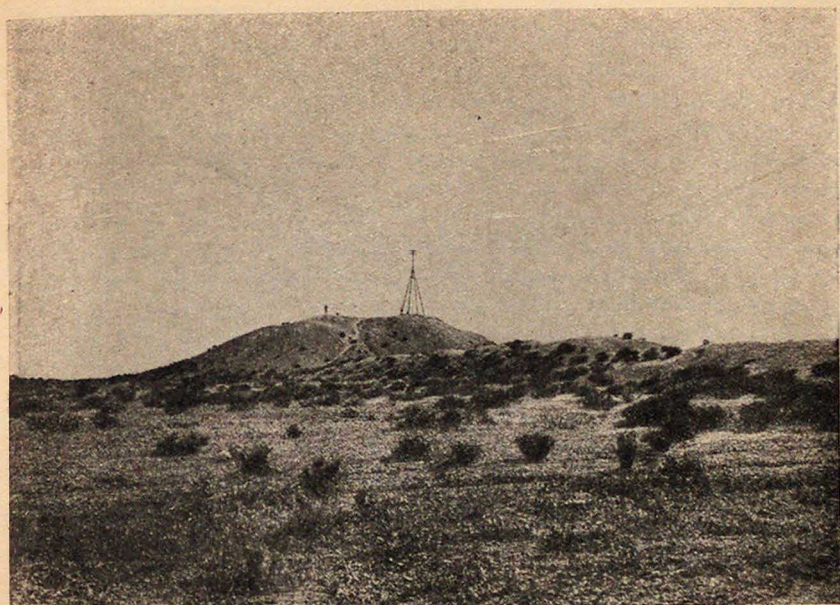

няя поверхность покрыта прекрасной бирюзовой поливой, а наружная — коричневым ангобом. Никаких других черепков глазурованной посуды ни в кухендизе, ни в шахристане найдено не было. Среди находок в этой части городища (подъемный материал) имеются в достаточном количестве фрагменты от фигурок животных (лошади, бараны). Поражает также большое количество глиняных неполивных (расписных и нерасписных) крышек от сосудов разной величины. Интересны головки этих крышек. Среди находок Турды Мир-Гиязова оказалась любопытная головка от большой крышки (для хума), вроде упрощенного изображения какой-то постройки.

Совершенно иную и не менее интересную картину представляет собой вторая часть городища — рабат. Небольшой участок на запад от шахристана и на юг от него буквально забит черепками. Даже беглого взгляда на западную часть рабата достаточно, чтобы понять, что здесь мы имеем дело не с бытовым черепком, а с местного производства керамикой. Я еще не указывал, что в Хазаре на юг от мечети есть мазар, где находится могила местного „святого“, именуемого Аулия Диггарони.¹ И действительно, данное имя он носит не напрасно, так как в западной части рабата изготовлялись гончарами в большом количестве котелки из огнеупорной глины, очень прочные и вместе с тем тонкостенные, с удобным и тонко отвернутым бортиком. Огнеупорные котелки эти обнаруживают не только большое мастерство в их изготовлении, но и тот факт, что их выдвигали в количестве, которое далеко выходило за пределы потребностей местного населения. Ими несомненно торговали со степью и соседними земледельческими районами. Но что всего более нас поразило, это то обстоятельство, что среди гончарного мусора, которого здесь так много, попадаются часто прекрасные образцы так наз. афрасиабской керамики. Даже самый строгий критик и скептик, глядя на эти черепки, скажет, что они по своему техническому качеству и художественной обработке несколько не ниже лучших экземпляров из Афрасиаба. На основании этого материала можно утверждать, что Самарканд (Афрасиаб) не может больше претендовать на абсолютное первенство в области изготовления художественной керамики так называемого афрасиабского типа. Районы Бухары, повидимому, если судить по керамике Хазары, в этом отношении мало уступают Самарканду. Как далеко в прошлое уходит жизнь на городище Хазаре, пока сказать трудно, но часто встречаемые здесь прекрасные образцы лощеной красной керамики дают

¹ Али ибн Хусейн ал-Вайз ал.—Кашифи, Рашахату айни-ль-хаят, литограф. издание Лукнов, стр. 48—49.

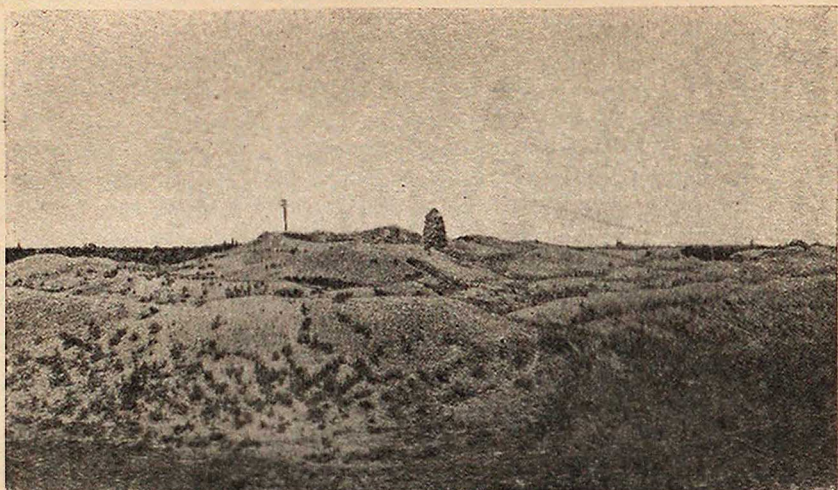

1. Кампыр-Дувал. Кызыл-тепе VIII—X вв.

2. Вид на Кампыр-Дувал с Кызыл-тепе.

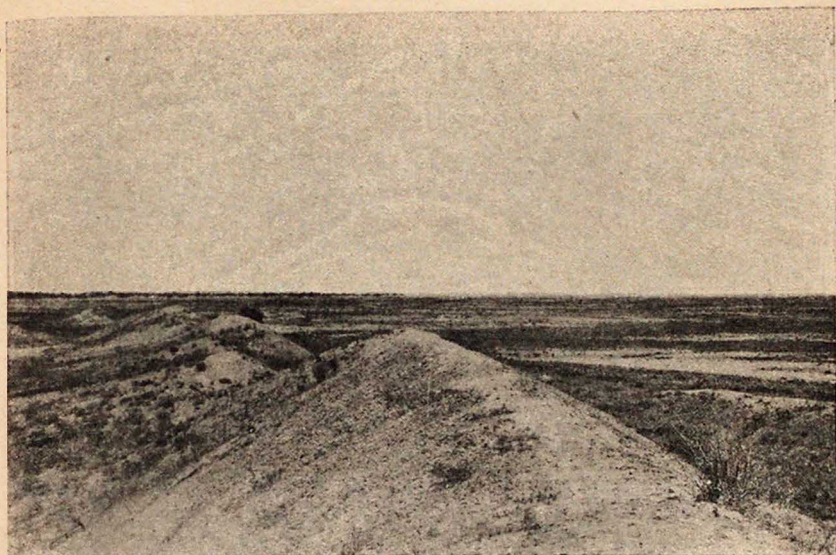

1. Шагри-Вайрон. Вид с внешней стены на ю.-в. часть кухендиза.

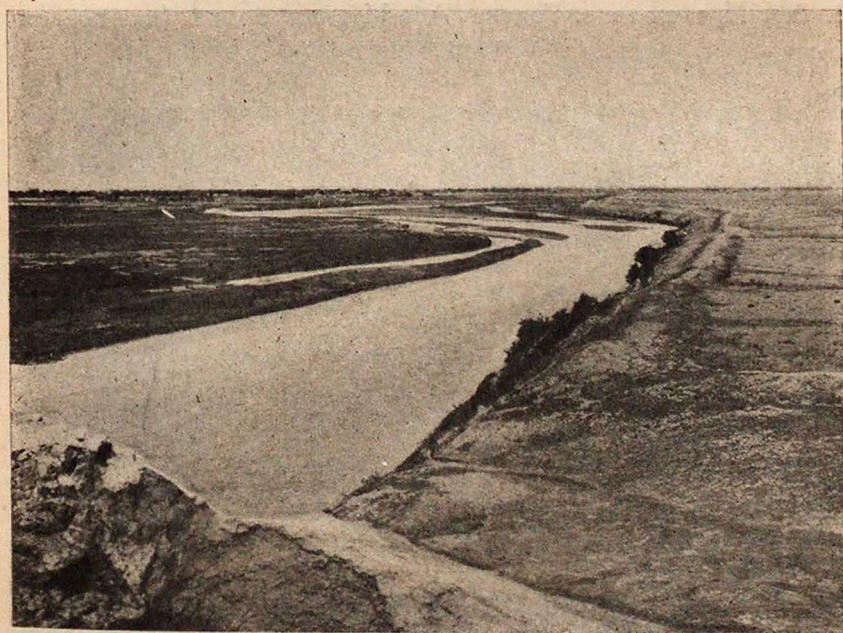

2. Шагри-Вайрон. Остатки сырцово-й стены от здания в кухендизе.

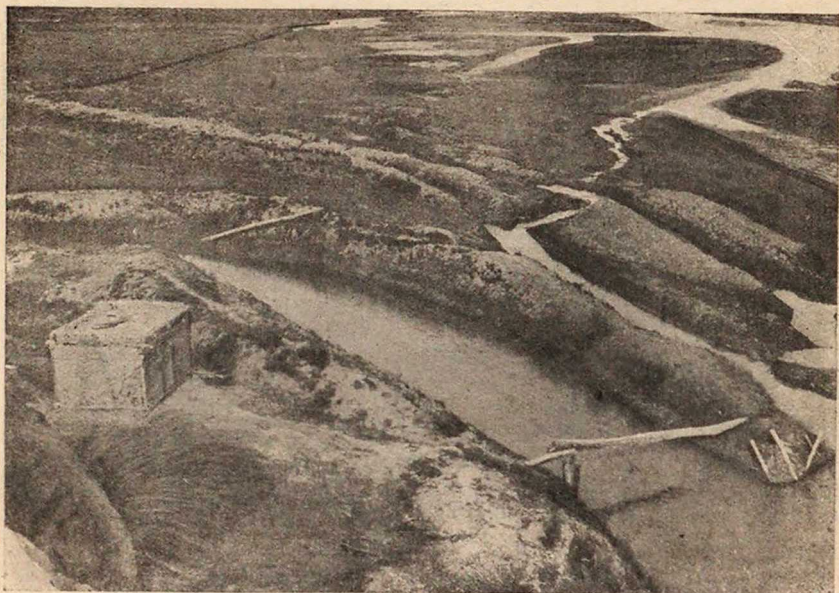

1. Кампыр-Дувал у Шахри-Вайрон.

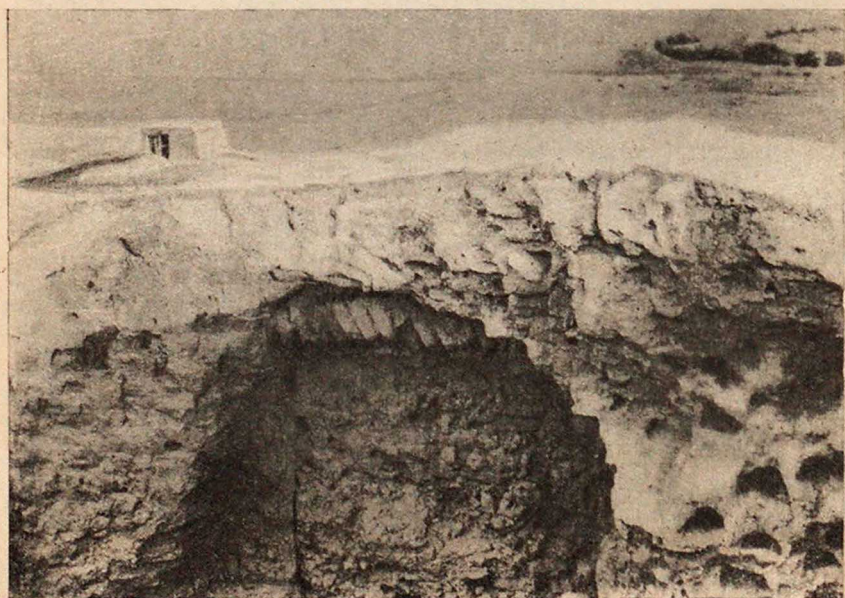

2. Абу-Муслим-тепе. Вид с тепе на запад, на Зарафшан и Кампыр-Дувал (в юль берега).

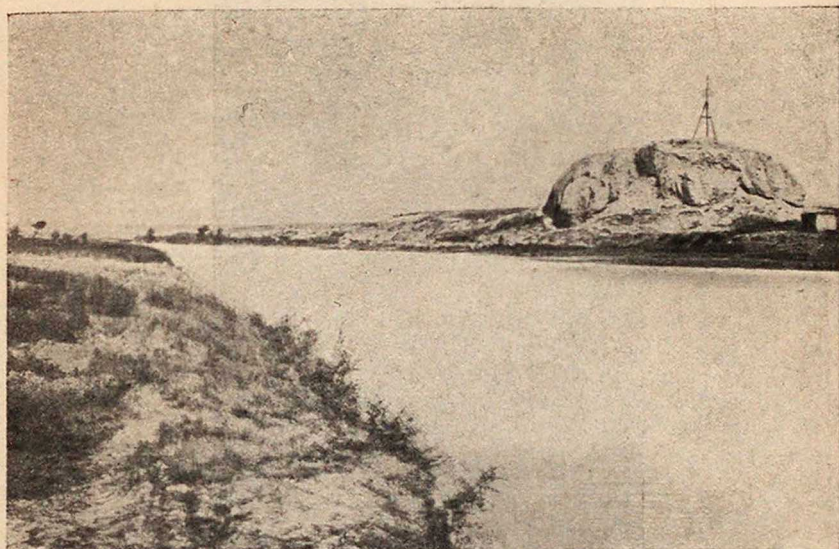

1. Абу-Муслим-тепе. Голова Абу-Муслим арыка (на правом плане) и Зарафшан.

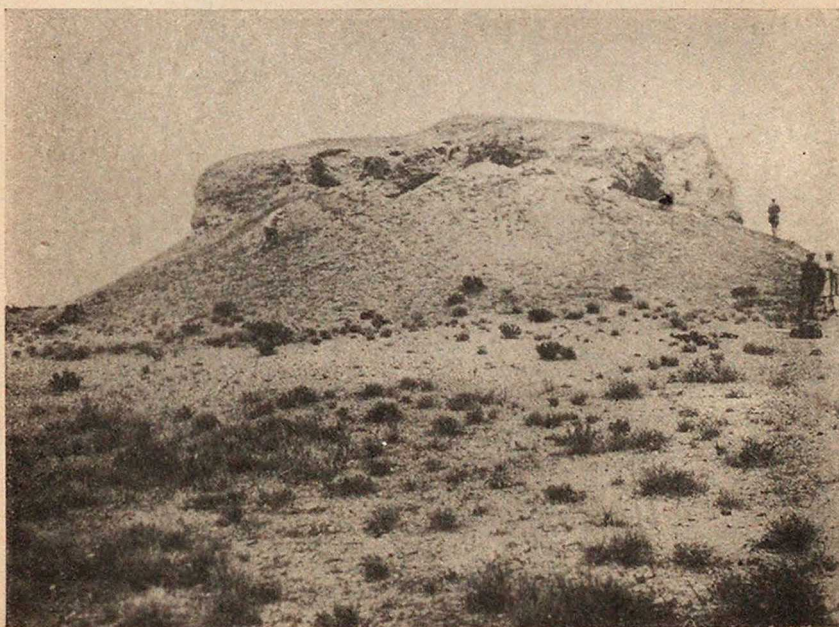

2. Абу-Муслим-тепе. Вид на кладку ниши в стене комнаты.

1. Абу-Муслим-тепе. Вид с с.-з.

2. Ильмирза-тепе. Вид с севера.

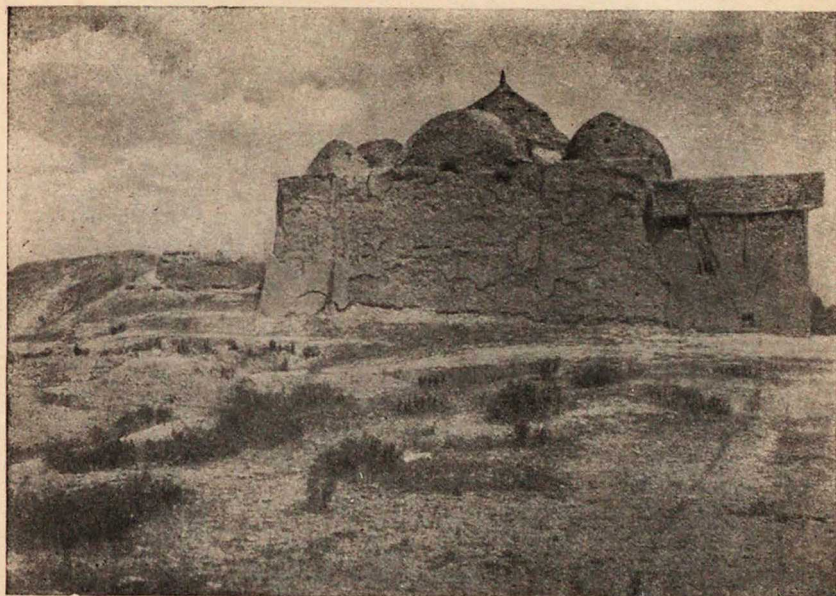

1. Ильмирза-тепе. Сырцовая кладка стены.

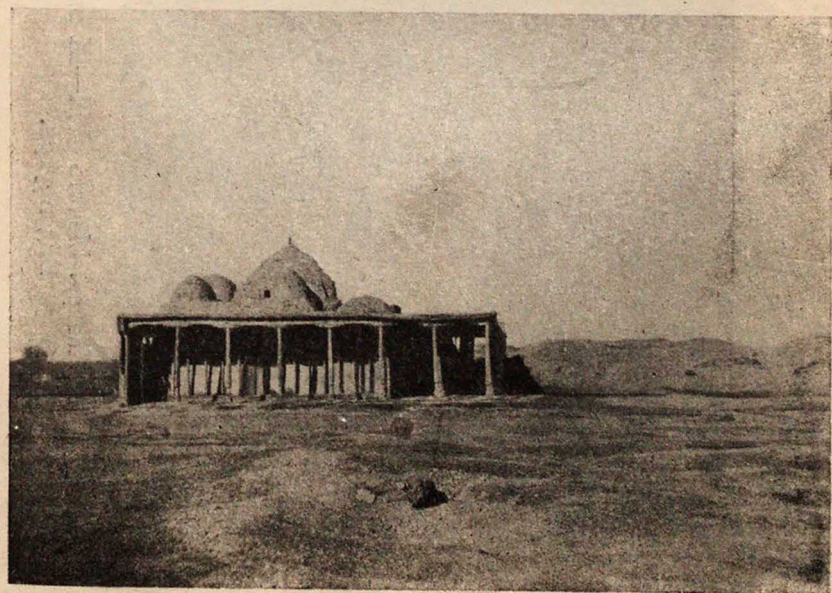

2. Хазара. Вид на мечеть (VIII—IX вв.) и остатки стены кухендиза.

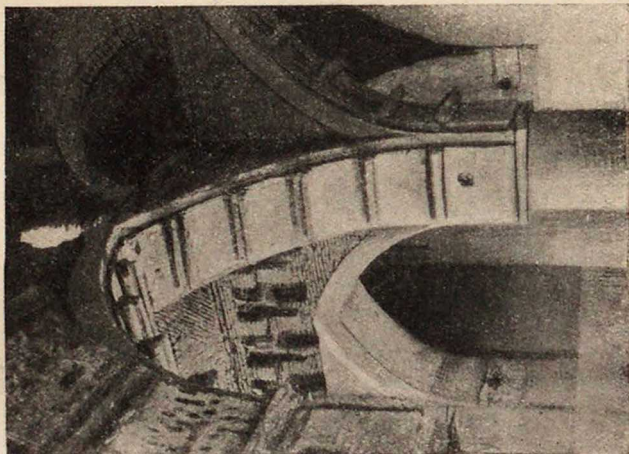

1. Хазара. Мечеть VIII—IX вв. Вид с запада.

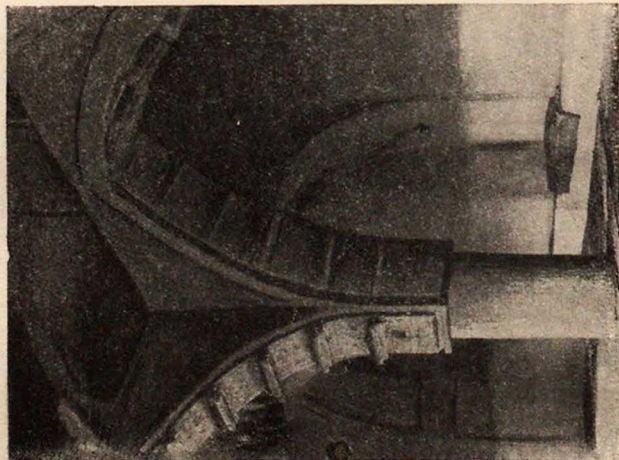

2. Хазара. Мечеть VIII—IX вв.

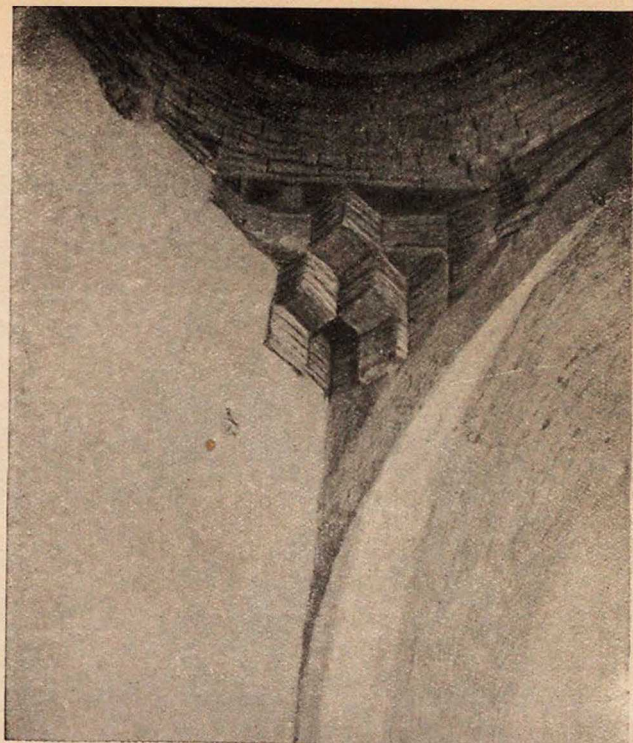

1. Хазара. Мечеть VIII—IX вв.
Вид внутри.

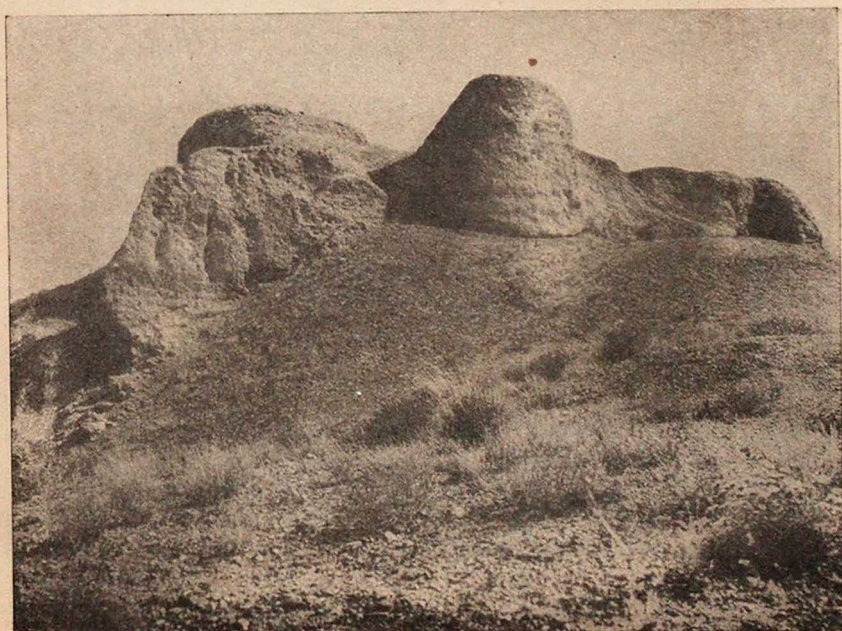

2. Хазара. Мечеть VIII—IX вв.
Вид внутри.

1. Хазара. Мечеть. VIII—IX вв. Вид внутри. Сталактиты.

2. Гяч-тепе. Общий вид развалин.

1. Дингак-тепе. Остатки башни из сырцового кирпича.

2. Рабати-Мелик. XI в. Сардоба.

право говорить не только о раннесасанидском, но и более отдаленном времени.

В западной части рабата нами заложено было 3 небольших шурфа, которые дали большое разнообразие форм и орнаментов вышеотмеченной керамики. Среди черепков мы имели в шурфах большое количество всякого брака, что определенно указывает на наличие вблизи этих мест гончарных мастерских. В заключение надо отметить и находки стекла в той же западной части рабата.

30/V. У самого юго-западного угла кухендиза стоит вышеупомянутая древняя постройка с девятью куполами (табл. IX, 2). Центральный купол похож снаружи по своей структуре на бухарские базарные гумбазы — Саррафон, Тильпак и Заргарон (табл. XII, 2). Три купола — типа балхи, а остальные пять — обыкновенные небольшие, круглые по своей форме. Постройка центрического типа и не имеет портала. С двух сторон — южной и восточной — она охвачена айваном с двумя рядами деревянных колонн, каждая из которых поставлена на кусок мрамора, повидимому, захваченного из развалин кухендиза или из каких-то украшений мечети (табл. VII, 2). Очень простая орнаментация и встречаемые иногда на них арабские надписи явно позднего происхождения. Айван выстроен не более, как несколько десятилетий назад. Будучи, быть может, полезен с точки зрения поддержания здания, он в то же время очень портит впечатление от самой постройки. Стены здания выложены из сырового кирпича, причем нет совсем признаков, на основе которых можно было бы сказать, что они были подобно Рабат-и-Мелику облицованы жженым кирпичом. В настоящий момент стены постройки (судя по михрабу мечети) находятся в таком состоянии, что всюду, где вскрывается недавняя обмазка, происходит процесс быстрого распада, через обращение в пыль. Чуть видимые сыровые кирпичи в силу этого не могут быть даже обмерены. Толщина сыровой стены на высоте 0,5 м — 1,30 м. Купола снаружи выложены из квадратного жженого кирпича размером $21 \times 21 \times 4$ см, $22 \times 22 \times 4$ см, $23 \times 23 \times 4,5$ см. В плане постройка представляет из себя квадрат, стороны которого снаружи колеблются от 15,9 до 16,6 м, а внутри от 13,7 до 14,2 м. Высота стены снаружи точно дана быть не может ввиду того, что уровень „основания“ стен в разных местах разный. Самая большая высота стены в юго-западном углу — снаружи равна 6 м 25 см. Высота внутри здания до основания куполов старой кладки от пола 6 м 83 см. Высота от пола до замка большого купола 10 м 70 см. Наружная высота здания от пола 11 м 5 см.

Все девять куполов вместе с большим центральным держатся на четырех больших колоннах, каждая из которых несет

две больших и две малых арки, вернее их половинки, которые „идут“ навстречу друг другу (табл. VIII, 1). Высота колонны от пола до деревянной „подушки“ 2 м 33 см, высота пяты арки 83 см. Таким образом, высота колонны от пола до точки, где расходятся арки, 3 м 21 см, окружность колонны колеблется от 3 м 90 см до 4 м 12 см. У колонн не видно баз, они, повидимому, вросли в землю. В настоящее время колонны начинаются с ободка, который, по всей вероятности, отделяет базу от стержня колонны. Четыре большие арки и держат в основном центральный купол. Аркам помогают и четыре трюмпа (табл. XIII, 2), поставленные по углам. В центре каждой из сторон находится по фальшивой арочке, глубиной в $\frac{1}{4}$ кирпича. Таким образом, купол покоится на квадрате, поддерживаемом арками, причем разгрузка происходит через вышеупомянутые трюмпы. Ширина щеки арки всюду равняется 1 м 25 см. Высота от пола до замка большой арки 6 м 37 см, малой арки—5 м 17 см. Щеки большой арки везде украшены своеобразными трилистниками, выложенными из жженого кирпича. Колонны, арки, купола, все переходы к куполам выложены из жженого кирпича вышеупомянутого размера. Два небольших купола находятся в западной части здания (юго-западный и северо-западный углы), держатся на двух малых арках, двух стенах и своеобразных сталактитах, выложенных из жженого кирпича и явно имеющих конструктивное значение (табл. IX, 1). Выше уже говорилось, что в центре южной, западной и северной сторон расположены купола балхи. Купола эти держатся на одной большой, двух малых арках и одной стене. Характерно, что узкие стороны купола балхи опираются внутри на своеобразные кронштейны сталактитового типа. Кронштейны эти введены для того, чтобы сократить длину купола балхи, который, повидимому, удобнее всего выкладывать, когда он приближается к квадрату. Уже этого краткого описания вполне достаточно, чтобы сразу притти к заключению, что мы открыли археологически ранее неизвестный в Средней Азии тип постройки, древность которой может быть осторожно определена докараханидской эпохой. По нашему глубокому убеждению в лице этой прекрасной постройки мы имеем архитектурный памятник не моложе Исмаила Саманида, а может быть, и старше его. Аргументов этому можно привести достаточно. Прежде всего, здание центрическое, беспортальное, что уже одно говорит о его древности. Однако нет правил без исключений, мавзолей Султан-Санджар здание беспортальное, а относится к середине XII в. В здании Хазары, как снаружи, так и внутри абсолютно отсутствуют украшения, которые носили бы чисто декоративный характер. Даже своеобразные сталактиты и

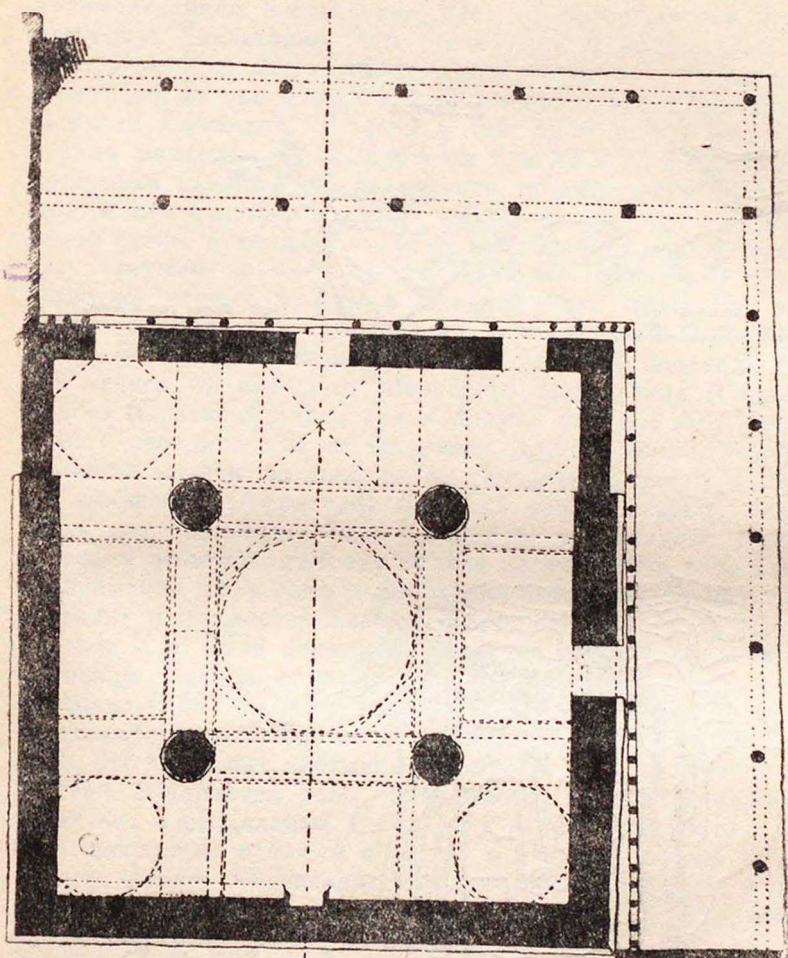

Рис. 5. Мечеть в Хазаре VIII—IX вв.
Составил В. А. Шишкин

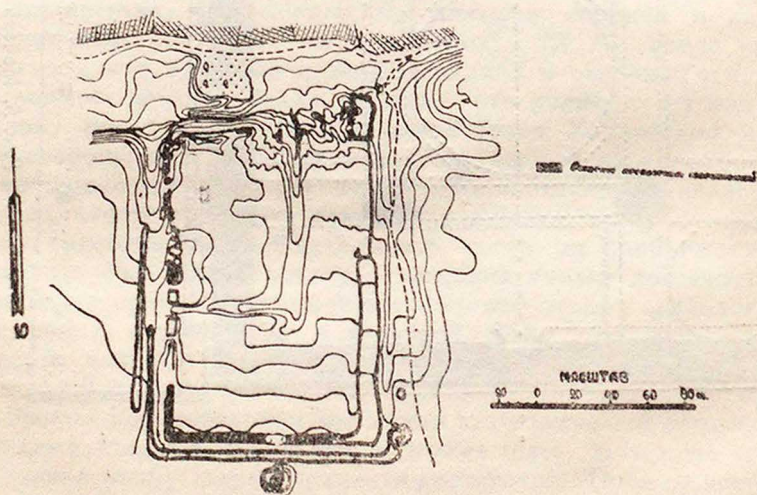
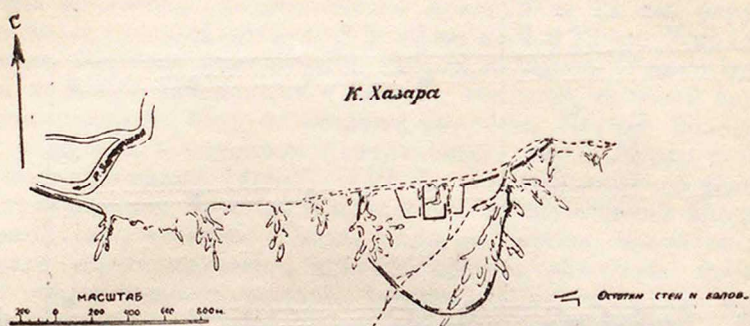

Рис. 6. План развалин крепости Хазара
Составил В. А. Шишкин

кронштейны имеют определенно конструктивное значение, о чем уже сказано выше. Само здание есть подлинно архитектурное произведение, где чувство красоты, т. е. глубокое художественное впечатление, идет от совершенства его конструкции. Характерно, что сталактиты и кронштейны, имея одновременно конструктивное и художественное значение, выложены теми же приемами и той же техникой, что и орнаментация Исмаила Саманида, и здесь и там один и тот же жженный кирпич размером $22 \times 22 \times 4$ см или $23 \times 23 \times 4,5$ см.¹ Для датировки здания при наличии других аргументов нельзя пройти мимо и того важного факта, что мечеть эта стоит у самой стены кухендиза в давно заброшенном шахристане. На этот аргумент я не могу не обратить внимания, ибо, как известно, первые мечети в Средней Азии строились всегда вблизи кухендиза и шахристана и постепенно переходили в рабат. Вспомним в этом отношении историю перехода соборной мечети из середины Мервского шахристана (Гяур-Кала) в рабат (Султан-Кала) на канал Маджан уже при Абу-Муслиме, т. е. в середине VIII в. Вспомним другой пример — переход соборной мечети из арка на ее теперешнее место в Бухаре. В Самарканде (Афрасиаб) одна из самых старых, если не самая древняя, мечеть была поставлена у кухендиза. Наконец, ко всему вышеизложенному нельзя не прибавить того веского соображения, что и само то городище, в состав которого входит кухендиз и шахристан Хазары, совершенно не имеет керамики позднее X в. Этой керамикой является так наз. афрасиабская. Городище Хазара, если принять во внимание не только его кухендиз (2 197 кв. м) и шахристан (27 962 кв. м), но и зародыши рабата, по площади не превышает 40 000 кв. м. Самый факт, что здесь нет керамики позднее X в., чрезвычайно показателен. Шахристан здесь, повидимому, не имел предпосылок развиться в феодальный город, хотя зародыши рабата и были. Жил шахристан главным образом местными связями и, повидимому, вместе с караханидской эпохой был запущен, а потом и совсем замер. Что же это за городище? Как в древности оно называлось? Можно ли считать его имя Хазара существовавшим и в то время, когда выстроена была ее замечательная мечеть? Вопросы эти все сложные, и сейчас дать ответ на них я не решаюсь. Первое по времени упоминание города

¹ Колонны, на которых держится, по существу, все здание, по своему виду принадлежат к наиболее ранним. Ал-Макдиси рассказывает, что в его время в рабаде Нишапура находилась мечеть, построенная Абу-Муслимом. К ней Амр ибн Ляйс (879—900) пристроил новую часть на круглых колоннах, выложенных из обожженного кирпича. BGA, III, 316. См. также мечеть на колоннах 750 г. х. э. в Дамгане. A. Pope. A Survey of Persian Art. T. IV. 1938, p. 258.

Хазара пока удалось найти только в упомянутом выше сочинении Рашахату айни-ль-хаят.

Днем 30/V мы были на городище старой крепости Хазары, от которой остались только небольшие следы.

За 1½ км до развалин крепости Хазары Кампыр-Дувал прекращается, и Л. А. Зимин, конечно, не прав, когда говорит, что видны его валы, идущие непрерывно к северной стене Хазары. Их здесь нет, и едва ли они могли исчезнуть за 19 лет, которые прошли со времени его обследования. В основном городище представляет собой четырехугольник, вытянутый с юга на север. Из его стен лучше всего сохранилась южная протяжением в 112 м. Северная стена почти не сохранилась и равнялась 108 м. Западная стена сохранилась главным образом в своем южном конце. Длина ее — 170 м. Восточная почти не сохранилась, ее небольшие остатки видны в северо-восточном углу, длина ее — 188 м. С запада и юга городище это охвачено остатками рвов, с востока — ложиной, а на севере — крутой скат. Въезд в городище был с юга и севера. Ворота, по видимому, были друг против друга. У южных ворот видны остатки большой башни, выложенной из сырцового кирпича. Размеры ее остатков 8×10 м. С запада и востока к основному городищу примыкают еще валы. На западе — протяжением в 100 м, на востоке — 85 м. Валы эти охватывают основное городище прямоугольником. Все эти сооружения, в свою очередь, были охвачены валом подковообразной формы с востока, юга и запада. Наибольшее расстояние до этого вала будет на юге, оно — 480 м, наименьшее — 150 м. В северо-восточном углу этого вала имеются явные следы ворот. Керамика, находимая на городище в небольшом количестве, — преимущественно неполивная расписная (по белому ангобу красными ангобными полосками). Иногда попадаются и черепки поливные, относящиеся к позднему времени, XVI—XVII вв.

Нельзя сомневаться, что здесь не было ни кухендиза, ни шахристана. Это развалины крепости при Кампыр-Дувале.

31/I. С утра выехали по направлению Гяч-тепе. Это, пожалуй, наилучше сохранившееся укрепление Кампыр-Дувала. Прошлый раз, когда мы передвигались из Абу-Муслим-тепе, мы не успели захватить Гяч-тепе и решили к нему вернуться. Сегодня, когда работы по Хазаре можно было считать законченными, мы и решили пополнить этот оставшийся за экспедицией долг. По дороге увидели на правом берегу Зарафшана за зеленью постройку из жженого кирпича с большим куполом. Спрошенный по дороге дехкан ответил, что это старая ханака, и указал адрес. Ехать, ввиду отсутствия близкой переправы через Зарафшан, пришлось в объезд Гяч-тепе. Здание ока-

залось мало интересным. От его первоначального вида сохранился только купол, да и то внутренний. Все остальные части его лет 15 назад отремонтированы так, что от старых форм почти ничего не осталось.

Внутри здание интересно с точки зрения перехода от четырехугольника к куполам. По дороге мы встретили несколько изумительных дувалов. Бухарские кишлаки славятся резьбой своих стен.

Вернусь, однако, к Гянч-тепе. Оно находится на расстоянии 5 км от Хазары. Стоит Гянч-тепе на высоком естественном холме, у которого северная сторона „сливается“ с крутым берегом Зарафшана. На вершине холма находятся развалины большой постройки из сырцового кирпича (табл. IX, 2). Кирпич этот с примесью гальки, размером $50 \times 25 \times 10$ см. Выложен кирпич на глине с мелкой галькой. Толщиной 3,5 м. Здание представляет собой прямоугольник, вытянутый с запада на восток. Толщина стен от 1,2 до 2,4 м. Южная стена наиболее длинная — 24 м, северная — 10 м, западная — 10,5 м, восточная — 9,5 м. Высота стен по краю осыпа от 3 до 6 м. На западном конце южной стены видны следы трех бойниц. В 8 м от западного края у южной стены имеется выступ, выходящий наружу на 0,5 м и возвышающийся над верхом стены на 1,5 м. Весьма возможно, что здесь стояла башня. Юго-восточный угол сильно обрушился, в обвале видна лазейка — вход, через которую прослеживаются угловые стены из сырцового кирпича. Вход ведет в комнату размером $3,48 \times 2,50$ м. В с.-в. углу есть ниша шириной в 1,8 м и глубиной в 70 см. В с.-в. углу прямо к северу идет коридорчик. В конце его, в завалах, есть щель наружу, в нее может залезть человек. В ю.-в. углу, где пересекаются внутренние стены, где самый угол обвалился, ясно видны следы двух бойниц, имевших направление по диагонали комнаты наружу, начало их в 40 см от угла. В северной стороне укрепления, у западного края, есть обрушившийся выход, войти куда можно только согнувшись. Через него попадаем в узкое помещение глубиной в 5,3 м, направление его с севера на юг. Ширина этого помещения 1,3 м. Пройдя расстояние в 5,8 м, помещение это под прямым углом поворачивает к востоку и тянется еще 7,6 м. У поворота есть еще проход, ведущий во второе, расположенное южнее помещение. Стоять в нем можно только согнувшись, в западной стене его имеется небольшое окошко. Работой в Гянч-тепе, которое является типичным рядовым укреплением в Кампыр-Дувала, мы, собственно говоря, закончили обследование остатков Кампыр-Дувала. Впереди мы уже не можем рассчитывать увидеть его на левом берегу Зарафшана, ибо если он и продолжался, то переходил на правый берег. Отправляясь на обследование

Кампыр-Дувала, мы знали, что можем встретить много интересного, однако в действительности все оказалось богаче, чем этого ожидала наша экспедиция. В известном смысле можно утверждать, что в материальных остатках Кампыр-Дувала и связанных с ним укреплений и рабатов отражена вся суть тех отношений, которые имели место между земледельческими областями и кочевой степью на определенном этапе истории Средней Азии. Прежде всего о времени постройки этой стены. Внимательное изучение ее остатков показывает, что нужно подвергнуть пересмотру утверждение Нершахи, согласно которому стена начата постройкой только при халифе Мехди (775—785 гг.). Переводчик книги Нершахи на персидский язык Ахмед ибн-Мухамед ибн-Наср¹ рассказывает, что подробные сведения о постройке стены имеются у Абу-л-Хасана Нишабури в его книге „Хазайн-ал-улум“. Согласно последней халиф Мехди в 782/83 г. назначил наместником Хорасана Абу-л-Аббаса ал-Фазла ибн-Сулеймана Туси.² Резиденцией его был город Мерв. Приветствовать нового наместника явились многие военачальники и знатные люди Хорасана и Мавераннахра. Пришли приветствовать Абу-л-Аббаса ал-Фазла ибн-Сулеймана и начальники Согда. На вопрос о состоянии их страны последние рассказали о бедствиях, которые испытывают жители Согда от набегов тюрков-кочевников, грабящих и разрушающих их селения. Еще совсем недавно, по их словам, тюрки снова появились и разграбили селение Самдун, уведя оттуда многих в качестве пленников. Абу-л-Аббас ал-Фазл ибн-Сулейман спросил их, не знают ли они какого-нибудь средства против этих набегов? Тогда Язид ибн-Гурек,³ правитель Согда, рассказал, что таким средством являются укрепленные стены, и в качестве примера привел стену, выстроенную вокруг Согда при некоей древней царице, после чего вся их область стала безопасной.⁴ Выслушав эти слова, наместник Хорасана предложил выстроить вокруг Бухары такую же стену с тем, чтобы все бухарские рустаки вошли бы внутрь ее и чтобы жители Бухарской области чувствовали себя в безопасности. Постройку этой стены он поручил бухарскому эмиру Мухтади. Последний, вернувшись к себе в Бухару, приказал начать строительные работы по возведению стены, причем

¹ Перевод сделан в 1128 г.

² В. В. Бартольд в примечании к переводу Н. Лыкошина указывает, что он был наместником в Хорасане с 782 по 787 г., стр. 45.

³ Повидимому, это был сын известного согдийского ихшида Гурека, умершего в 737 г.

⁴ Не имеется ли здесь в виду та самая стена, которая, по словам Г. В. Григорьева, сказанным в беседе со мной, идет вдоль гор от ст. Красногвардейская (быв. Ростовцево) за арыком Булунгур.

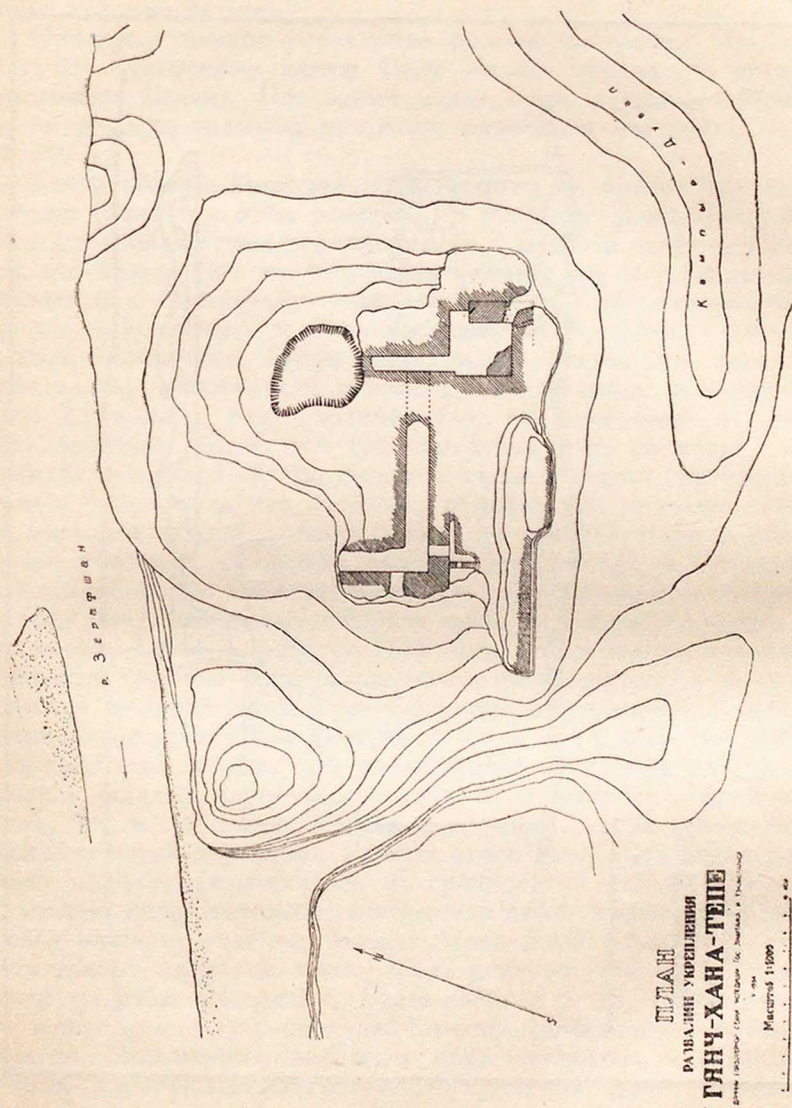

Рис. 7 План развалин укрепления Гянич-Хана-тепе
Составил В. Н. Кесаев

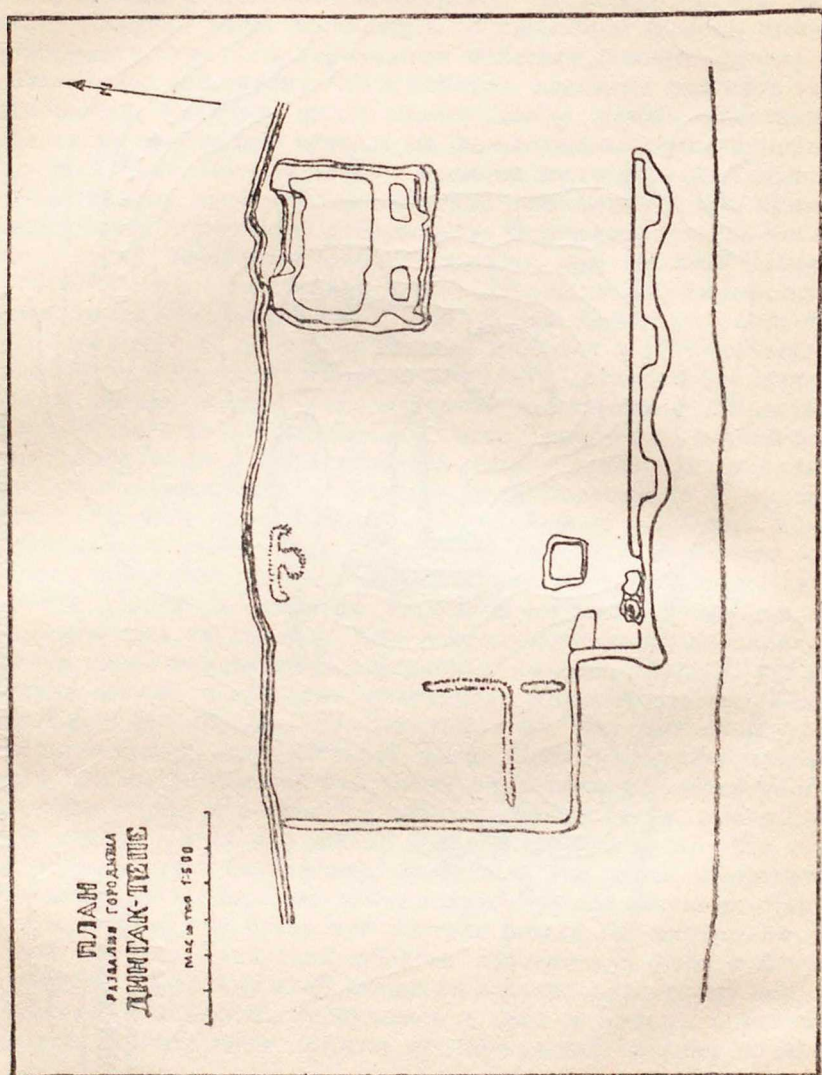

Рис. 8. План развалин городища Динтак-тепе
Составил В. Н. Кеселев

потребовал, чтобы через каждые $\frac{1}{2}$ мили¹ на стене возведены были крепкие башни.

Непосредственное управление делами застройки Мухтади поручил бухарскому казию Саду Халаф Бухари (по другим рукописям Балхи). Последний ведал этим делом в течение очень долгого времени, до самого окончания постройки, т. е. до 830 г.²

Таков рассказ Нершахи. Подтвердили ли археологические данные главное в этом рассказе, а именно — указание на начало постройки стены в конце VIII в.? В целом ряде случаев, как это видно уже из вышеизложенного, мы в укреплениях, связанных с Кампыр-Дувалом, имеем дело с материалом, бесспорно относящимся к домусульманскому времени. Один из членов экспедиции, Турды Мир-Гиязов, специально взял на себя задачу разработать вопрос о строительных материалах этих построек с точки зрения того, что они дают в качестве критерия датировки. Кампыр-Дувал тоже не везде возводился заново. Судя по существующим остаткам укреплений, можно заключить, что и стена, отделяющая кочевую степь от земледельческой полосы, была, по крайней мере в некоторых участках, возведена задолго до прихода в Среднюю Азию арабов. Не менее интересен и другой вывод, о котором на ходу уже приходилось говорить выше. Большинство укреплений носило характер рабатов. Под последними нельзя, конечно, понимать то, чем рабаты сделались впоследствии, а именно большие караван-сарай, превращающиеся в правильно функционирующие поселения базарного типа, а то, чем они были в первые века ислама, т. е. укрепленные поселения, имеющие, однако, задачей не только защиту от возможных нападений врага, но и торговлю с ними в периоды, когда отношения носили мирный характер. Рабаты этого типа в подавляющем числе случаев устраивались на границе со степью, где они и носили специфический военно-торговый характер. Один взгляд на карту селений, идущих параллельно Кампыр-Дувалу, один только перечень имен, среди которых так часты окончания на рабат (Хамрабат, Буда-к-рабат и т. д.), показывают, как много в систему укреплений Кампыр-Дувала включено было рабатов. Письменные известия, присоединенные к богатым данным памятников материальной культуры, дадут возможность поставить вопрос об основном кадре населения в этих укреплениях и рабатах. При Аббасидах, Тахиридах и в начале саманидской эпохи им были так наз. газии. Не очень трудным

¹ Мили равнялась, повидимому, среднеазиатскому фарсаху, т. е. 6—9 км.

² Правителем Хорасана в это время был известный Абу-л-Аббас Абдаллах ибн-Тахир (828—844), а правителем Бухары — Мухаммед ибн-Мансур.

оказался и вопрос о прекращении жизни в системе Кампыр-Дувала. Керамический материал в основном подтверждает указание Нершахи, что при Исмаиле Самани эту систему укреплений считали нецелесообразной и дорогостоящей, а потому и оставили ее без охраны. Говорю „в основном“, ибо в ряде рабатов мы находили черепки явно более позднего времени; впрочем, это уже доживание жизни таких мест, которые не имели никакой перспективы на будущее. В связи с Кампыр-Дувалом возможно поставить и вопрос о причинах прекращения содержания Кампыр-Дувала. Нершахи рассказывает, что содержание укрепленной стены требовало больших расходов и ложилось на население ближайших к стене селений тяжелой повинностью. Ежегодно тратились большие суммы на содержание прикрепленных к ней гарнизонов из газиев. Бухарская область, начиная с Муканны (конец VIII в.), почти не выходила из крестьянских восстаний, и приостановить их, пока не была снята одна из тяжелых повинностей, было почти невозможно. Исмаил Самани это прекрасно понимал. Сделать ему это было тем легче, что в его время Бухара была сильна как никогда.

1/VI. Сегодня нам предстоит перебраться за пять километров к городищу Динь-гак. Остановились мы на другом конце селения Хазары. Кстати, о самом этом названии. Сейчас это место называется по имени большого арыка Хазары, который, в свою очередь, выделяет три арыка: 1) Айранчи, 2) Хаджа, 3) Диггарон. Яхья Гуламов собрал у местного населения названия всех селений, которые расположены по этим арыкам. Картина в смысле исторической перспективы получилась достаточно выразительная. Всего здесь 21 селение, питаются они за счет воды арыка Хазары, почему все вместе они и носят название Хазара. Едва ли возможно сомневаться, что название арыка старше названия указанного комплекса селений. Среди последних нельзя не обратить внимания на имя Диггарон — котельщик. Этим именем называют как один из арыков, вытекающих из Хазары, так и одно из упомянутых селений по этому арыку. Небезынтересно и имя селения Араб-хана, собственно говоря двух селений с этим именем. Одно — по арыку Айранчи, другое — по арыку Диггарон. Имя селения Диггарон тесно связано, конечно, с теми черепками, которые находятся в большом количестве сейчас же за западной стеной шахристана. Хазара занималась изготовлением огнеупорных котелков, которыми, судя по прекрасному черепку их, место это и славилось.

Динь-гак представляет собой прекрасный образец большой укрепленной дехканской резиденции, некоторые части которой сохранились лучше того, что нам удавалось видеть. Городище это не просто кухендиз, а кухендиз плюс небольшой

шахристан, представляющий в плане прямоугольник, вытянутый с востока на запад, размером 190×100 м. В с.-в. углу шахристана видны остатки кухендиза размером 40×40 м. Южная стена шахристана имеет на своем валу оплывшие остатки трех бурджей. Последние, выдаваясь над фасадом на 3 м, имеют в длину от 8 до 12 м. Расстояние между бурджами — от 27 до 29 м. Со стороны западной стены, ближе к углу, высятся остатки огромной башни (выложена из пахсы), несколько выдвинутой на запад от стены (табл. X, 1). На самом верху башни лежат руины из сырцового кирпича. Перед стеной видны остатки рва шириной около 8 м, а глубиной около 1 м. Шахристан покрыт следами строений. Керамики подъемной на его поверхности не очень много, она типична для этих мест.

Кухендиз интересен в том отношении, что его поверхность сохранила четко выраженные линии (границы): 1) для определения наружной стены ходжа-дивар, 2) выделения слоя пахсы, 3) выяснения слоя стены из сырцового кирпича, 4) установления длины и ширины типичной для домусульманского и раннемусульманского времени узкого помещения, 5) определения размеров зала в замке. Мне кажется, что если есть смысл копать остатки таких укрепленных усадеб, около которых вырастали уже и шахристаны, то Динь-гак в данном районе имеет ряд преимуществ перед другими подобными городищами. По северной стороне городища-шахристана остатки стены виднеются только в участке с.-з. угла. Восточная стена сохранила нам только жалкие остатки. Не исключена возможность, что шахристан продолжался и на восток, за стены кухендиза, там, где сейчас лежат строения современного кишлака. Так ли это — решить возможно только при более длительном обследовании, на что у нас времени не было.

2/VI. Ехать в Кермине решили через Рабат-и-Мелик. Ввиду того что памятник этот уже достаточно изучен, мы не ставили себе никаких иных задач, кроме как произвести фото, которые зарегистрировали бы его нынешнее состояние. Посмотрев внимательно на все еще производящие сильное впечатление остатки когда-то чудесного рабата XI в., мы все свои силы сосредоточили на изучении интересной рабат-и-меликской сардобы,¹ которая как-то прошла мимо исследователей, заслоненная блестящим порталом рабата. Стоит эта сардоба — источник когда-то бывшей здесь жизни — на юго-запад от минарета (табл. 2). Согласно обмерам, сардоба имеет в диаметре

¹ Сардоба в переводе значит „Вместилище холодной воды“. Этим именем в Средней Азии обозначают крытые хранилища (хаузы) воды, собираемой разным путем. См. М. Е. Массон. Проблема изучения цистерн — Сардоба. Изд. Ком. Наук Узб. ССР, Ташкент, 1935 г.

внутри 12 м 15 см, а снаружи — 15 м 24 см. Толщина стены из жженого кирпича — 1 м 24 см. Высота сардобы — 13 м 80 см; диаметр верхнего окошечка (дыры) — 1 м 20 см. Высота от верха до поверхности земли — 7 м 30 см. От поверхности земли до низа — 6 м 50 см (это и есть глубина сардобы). Размер кирпича, из которого выложена сардоба, 25 × 6 × 10 см. Вход в сардобу с севера. Вход в данном его виде сделан много позже. Из Рабат-и-Мелик той же степной дорогой отправились мы в Кермине.

4—5/VI. С утра направились на берег Зарафшана, где по нашим сведениям должны лежать остатки старого Кермине. От современного города находятся они не больше, чем на 3 км. К сожалению, само городище так изрыто, столько частей его обращено уже в поля, так много дувалов использовано под вывоз земли на поля, что трудно, почти невозможно в нем разобраться. От кухендиза, шахристана и рабата сохранились небольшие отстатки, так что, не просидев здесь значительного срока, невозможно составить цельной, хотя бы и в самых общих чертах картины.

Для всего городища интересен самый факт расположения его на крутом, обрывистом берегу Зарафшана, который своим руслом в настоящее время несколько отошел на север. К сожалению стены, вернее их остатки, видны только в нескольких местах. На городище нередко попадает керамика, типы и виды ее нам очень знакомы, — это черепки от доисламского времени и вплоть до XVII в., когда на старом городище была еще жизнь, хотя, повидимому, и слабая.

Кермине по ряду причин не стало предметом нашего внимательного изучения. И прежде всего здесь сказалось то обстоятельство, что слой ст. Кермине так спутаны с последующими наслоениями, что без тщательного и длительного изучения его топографии на месте в связи с поисками вакуфных документов и работой над ними ничего не сделать. Времени этого у нас не оказалось.

6/VI. Из Кермине путь наш лежал на Кала-и-Дабус через кишлак Зиаддин. Весь день провели в дороге.

7/VI. Вот, наконец, и добрались до Кала-и-Дабус. Дорога от кишлака Зиаддина была мало приятна, не раз приходилось попадать в настоящие болота, образованные разливами в низинах арыков, оставляющих здесь излишки своей воды. По мере приближения к Зарафшану картина местности постоянно меняется: вместо болотистых низин, справа, т. е. в направлении на восток, появляются естественного характера бугры. Подъезжая непосредственно к развалинам древней Дабусии, невольно останавливаешься на контрастирующей картине. Налево (стоя лицом к Зарафшану), т. е. на запад, лежат огромные полу-

болотистые луга; направо, т. е. на восток, высятся развалины, расположенные на естественных холмах, известной когда-то в Средней Азии Дабусии. В настоящий момент Дабусия совершенно покинута, с ее территории ушли даже последние жители, которые здесь были еще несколько лет назад, хотя вода на городище есть. Характерно, что полное безлюдие этого места не ликвидировало здесь знаменитого когда-то базара. Раз в неделю, по пятницам, на площадь мертвого города съезжаются люди из соседних колхозов, совхозов и открывают большой оживленный торг, свидетелем которого и была наша экспедиция. Ни в Кермине, ни в других местах мы не видали такого скопления людей, как на развалинах Дабусии.

Городище оказалось значительно большим по своим размерам, чем мы ожидали. Уже первых беглых впечатлений было достаточно, чтобы определить: 1) что керамический сбор у нас будет неплохой и 2) что весь керамический материал резко делится на две группы: а) черепки от доисламского периода вплоть до X в. включительно и б) поздние черепки XVI—XVII вв. Поражает отсутствие керамики монгольского периода. Прогулка большинства членов экспедиции по городищу, совершенная во второй половине дня, дала возможность заключить, что уже в древности, т. е. в доисламские времена, жизнь была на крайней ю.-в. точке городища, в противоположном конце от кухендиза.

8/VI. Беглое впечатление от подъемной керамики, полученное вчера, оказалось правильным. Верхние слои, представленные на поверхности шахристана и кухендиза подъемным материалом, дают XV—XVII вв. Это все по большей части черепки от подглазурной расписной кобальтом посуды, хотя есть и другие, не менее выразительные в смысле хронологического определения, виды керамики. Ясно, что жизнь в кухендизе и шахристане была и в XVII в. Черепки эти не случайны, ибо их довольно много. Непонятно только одно — на поверхности почти не видно следов строений. По всей вероятности это оттого, что вся площадь кухендиза и шахристана заросла травой.

По склонам кухендиза и шахристана, особенно в обвалах, обрывах, а иногда и просто скатах находится большое количество ранней керамики: это или так называемый саманидский подглазурный расписной черепок афрасиабского типа, или разные виды неполивной керамики значительно более раннего времени. Особенно характерны черепки от тонкой красноватой лощеной посуды. За сегодняшний день мы имели несколько больших фрагментов от бокалообразных сосудов этого типа. Указанного материала так много, что не приходится сомневаться в наличии культурной жизни здесь еще в до-

сасанидский период. На городище, точнее на территории рабата, часто встречаются по склонам могил любопытные орнаментированные обожженные кирпичи размером $34 \times 16 \times 4$ см и другие. Орнамент их не может не остановить на себе внимания. В типично „сасанидском“ кругу с большими точками мы имеем разнообразный как растительный, так и геометрический (шестиконечная звезда, в гнездах которой трилистники) орнамент. В некоторых из этих композиций можно увидеть даже обрывки куфической надписи раннего арабского письма. Орнаментный круг, диаметр которого в среднем 10—12 см, является как бы своеобразной маркой Дабусии. Некоторые из этих кругов, как две капли воды, похожи на аналогичные круги с горошинами, которые имеются на известных афрасиабских очажках. Едва ли можно сомневаться, что кирпичи эти относятся к раннеисламскому времени и быть может доходят до саманидской эпохи включительно. Стоит вопрос — почему их почти нет в шахристани и кухендизе и очень много в рабате. Думаю, что это объясняется, прежде всего, тем фактом, что территория рабата во многих местах изрыта кладбищем, причем при рытье могил и выбрасывался наружу такой материал, как обожженный кирпич. Характерно, что этот же кирпич находится в составе позднейших построек. Его подбирали и употребляли наряду с другим материалом. Убежден, что если произвести в кухендизе и шахристани раскопки, мы найдем его в большом количестве. Однако в обвале стен шахристана он нам попался не раз. На поверхности рабата, там, где теперь обширные кладбища XVI—XIX вв., мы находим большое количество и керамики, преимущественно саманидского времени, среди которой часто встречается так наз. афрасиабский тип, довольно высокой техники и художественной выразительности, хотя и уступающий Хазаре. Обильное количество керамики среди могил кладбища не должно смущать. Как выше отмечено, при рытье могил черепки вместе с землей выбрасывались наружу, где часть их оставалась. Сегодня керамики собрано много, особенно много последней в бадраб-ханах — „отхожих местах“. Наблюдения В. Л. Вяткина на Афрасиабе показали, что такие бадраб-ханы являются ценнейшими источниками древней битой посуды. Ведь туда бросали ненужный в обиходе вещевой хлам. За целый день работы участники экспедиции раскопали три таких бадраб-хана, по характеру своих вещей относящихся к IX—X вв. Среди прочего материала, характерного для этого времени (особенно так наз. афрасиабская подглазурная расписная керамика), они нашли много интересного стекла, а в двух бадрабах несколько экземпляров цельной стеклянной посуды. Указанные бадраб-ханы лежат в отвалах,

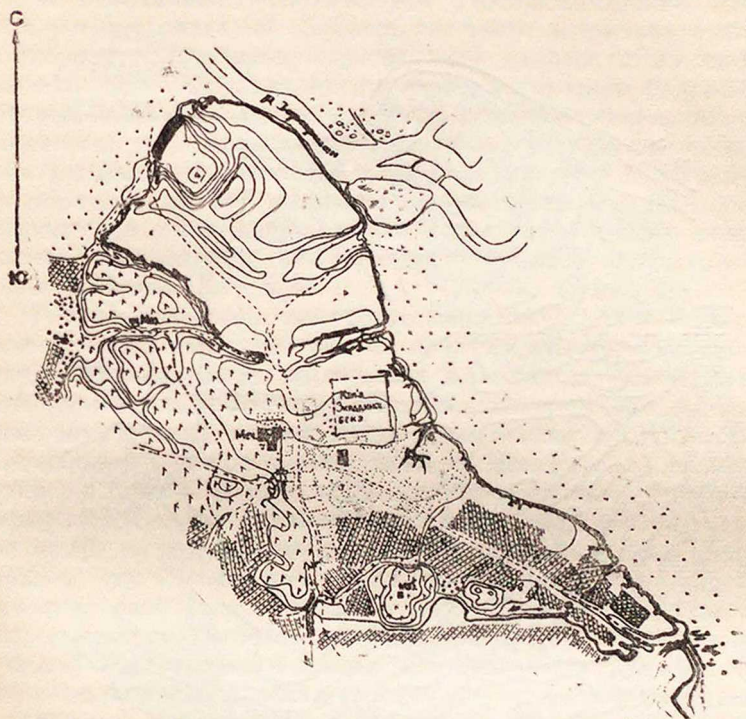

Рис. 9. Развалины Дабусини
Составил В. А. Шишкин

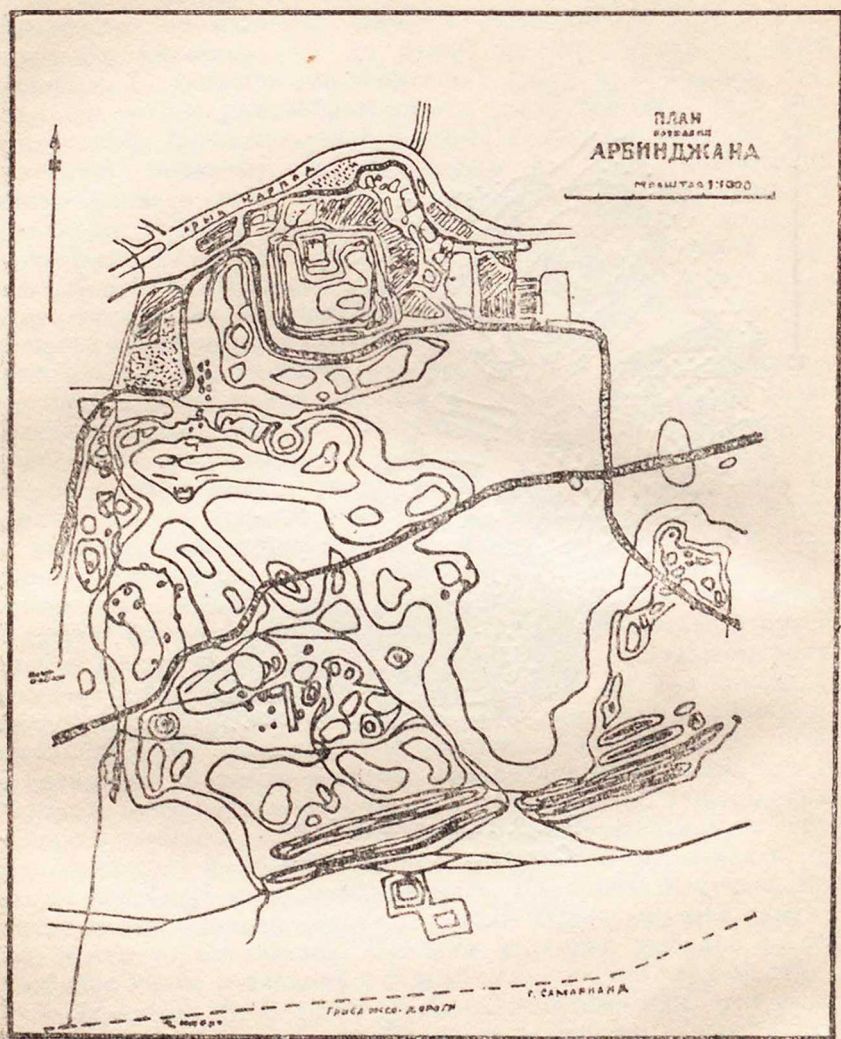

Рис. 10. План развалин Арбинджана
Составил В. А. Шишкин

вернее обрывах восточной стены рабата. В бадраб-хане, обнаруженной в отвале южной стены шахристана, найден другой по времени материал, по преимуществу лощеная красная тонкостенная посуда бокалообразного типа, и некоторое количество неполивной красной посуды в битом состоянии. Работая по изучению развалин Дабусии, мы часто встречали в отвалах (в сторону Зарафшана обращенных) старых стен, там, где имелись явные следы культурного слоя, глубокие бадраб-ханы, которые легко узнаются по цвету своей глины и большому количеству торчащих черепков. Некоторые из таких бадраб-хана мы засняли. Обследуя керамику и стекло в бадраб-хане, мы обратили особое внимание на тот факт, что бадраб-ханы встречаются очень часто, через незначительные по величине участки. Несомненно, это говорит о большой плотности населения Дабусии IX—X вв.

9/VI. С утра ушел проверять свои впечатления о топографическом строении Дабусии на верхушку мазара Имам Бахры, откуда все городище видно, как на ладони. Выше мне уже приходилось говорить, что площадь городища Дабусии оказалась значительно большей, чем мы могли ожидать. В северо-западной части шахристана, в центре с.-з. стены последнего, ближе к с.-з. углу, почти у самого обрыва, над Зарафшаном стоит внушительный холм, где и находился древний кухендиз дабусийского владыки. Кухендиз так деформировался, так оплыли его стены и остатки строений, что без раскопок разобраться в его структуре считаю совершенно безнадежным. Наиболее высокая стена кухендиза, она же и склон естественного холма, на котором находится кухендиз, — обращена на запад, точнее северо-запад, протяжением в 115 м. Размеры остальных границ (о стене говорить не приходится, следы ее только в с.-з. части) те же, — с.-в., ю.-з., ю.-в., по 115 м в среднем. Таким образом, кухендиз был квадратным. Более четко, чем кухендиз, выступает площадь шахристана, с явными признаками бывших на нем стен по с.-з., ю.-з. и ю.-в. его сторонам. Размеры площади (с.-в. стена шахристана — 400 м, с.-з. — 725 м, ю.-з. — 480 м) оказались значительными. Перед нами, таким образом, лежали остатки одного из больших шахристанов. В последнем было четверо ворот. Главные ворота были на юге (см. план), двое ворот находились в с.-з. стороне шахристана, одни ворота ближе к с.-з. углу его, а другие — к ю.-з. Четвертые ворота помещались по с.-в. стороне шахристана. В настоящее время, как уже выше указывалось, вся поверхность кухендиза и шахристана покрыта быстровысыхающей травой, где пасется мелкий скот (бараны, козлы) ближайших колхозов и где, по рассказам стариков, знаадинские беки XIX и XX вв. часто

устраивали козлодрание, что, конечно, не могло не отразиться на состоянии городища. Поверхность шахристана ни в какой мере нельзя считать ровной, сейчас же за юго-восточной стороной кухендиза лежит впадина, повидимому, для какого-то огромного водохранилища. На территории шахристана видна и лощина. По ней проходила когда-то главная дорога, соединяющая восточные и западные (ближайшие к ю.-з. углу) ворота.

По северной (северо-восточной) стороне шахристана совершенно не видно следов стены. Повидимому, ее и не было, так как здесь имеется естественный крутой обрыв в сторону Зарафшана, который тут же под обрывом и протекает.

Стена шахристана выложена из пахсы, что, судя по другим аналогичным примерам, подчеркивает их мусульманское (в смысле хронологии) происхождение. Северо-западная стена шахристана сохранилась лучше всего, сейчас же за ней лежат естественные холмы, на которых и расположилась древняя Дабусия. Склон здесь настолько крут, что подняться можно только по косым линиям. Юго-западная граница шахристана наметилась также естественно. Здесь имеется узкое и глубокое ущелье, по верху которого и поставлена была стена. В настоящее время скаты этого ущелья местами очень круты, и часто в них можно увидеть обнажившийся культурный слой. Здесь при внимательном обходе можно встретить немало вышеупомянутых бадраб-хана с остатками очень интересной керамики. Так же как и в кухендизе, на поверхности шахристана совсем не видно следов бывших здесь когда-то построек, все заросло густой, в июне месяце уже высохшей, травой; только часто попадающаяся упомянутая керамика говорит о бывшей здесь жизни. Прямо на юг от шахристана тянутся развалины рабата, большая часть территории которого в западной стороне использована впоследствии под кладбище. Повидимому, кладбище это образовалось здесь не раньше XVI в. Границы рабата можно определить только по данным находимых на его поверхности черепков. Лучше всего сохранилась восточная граница рабата, так как она совпадает с обрывом, к югу постепенно понижающимся. Обрыв этот, особенно в северном своем отрезке, внимательно был осмотрен, здесь найдено было немало бадраб-ханов. Восточная граница рабата, поскольку ее можно определить, тянется на 950 м, на юг рабат простирается на 800 м. Труднее всего определить границы рабата в западном и ю.-з. направлении. Здесь граница очень условна и определится может только границами кладбища и распространения черепка. Ближе к восточной стене городища, почти в центре Дабусии, лежат развалины глинобитных стен Зиаддинского бека, выстроены не раньше

середины XIX в. В северо-западной части рабата, в 160 м от юго-западной границы шахристана, находится мазар Имам-Бахра.¹ Подводя итоги самому краткому описанию городища, необходимо подчеркнуть, что Дабусия, принадлежала к далеко не малым городам Средней Азии.

10/VI. Еще вчера решено было, что к вечеру экспедиция должна быть около развалин г. Арбинджана, докуда от Дабусии не менее 24 км и где, как известно, несколько лет назад побывал В. Л. Вяткин. К сожалению, он не напечатал об этой поездке ничего, и мне даже неизвестно, подготовил ли он о нем что-нибудь к печати и сохранились ли в его архиве об этой поездке какие-нибудь записки. От М. Е. Массона, В. А. Шишкина и Турды Мир-Гиязова мне приходилось только слышать, что своей поездкой В. Л. Вяткин был очень доволен и что он привез ряд интересных наблюдений и богатый подъемный материал.

11/VI. Начали работу на развалинах Арбинджана, расположенного по левому берегу Нарпая, одного из самых древних каналов Согда. Общее впечатление от городища не менее сильное, чем от Дабусии. На территории рабата, что явно видно из топографической картины городища, большие участки земли изрыты; по всем признакам здесь добывали из фундаментов или нижних частей стен зданий жженный кирпич. В результате подобных раскопок земля увозилась на удобрение полей, кирпич на нужды построек соседнего кишлака, а никому ненужный черепок выбрасывался тут же наружу, на поверхность земли. Среди этого мусора в какие-нибудь $\frac{1}{2}$ часа можно было собрать достаточно характерную коллекцию черепков. Чрезвычайно важно, что преобладающий черепок здесь оказался саманидский по времени и афрасиабский по типу. Что-то скажут при близком знакомстве четко выступающие кухендиз и остатки его стены?

12/VI. Целый день ходил по городищу, подбирал и занимался черепками, насколько возможно старался понять топографическое строение Арбинджана. Участники экспедиции главное внимание сегодня сосредоточили на осмотре очень интересного здания из сырцового кирпича, находящегося в с.-з. углу городища на самом берегу Нарпая. Здание это — один из наиболее интересных объектов, встреченных нами на нашем пути. Наверное и В. Л. Вяткин уделил ему много внимания и времени. Ясно, что мы имеем дело с домусульманской постройкой, которая после прихода арабов только была перестроена. Решено завтра сделать несколько зачисток, чтобы выяснить себе его подлинный, первоначаль-

¹ См. Прот. ТКЛА, XXI, Кала-и-Дабус, стр. 62.

ный план. Городище совсем не так просто, как это может показаться на первый взгляд. Местоположение для города чрезвычайно удобное. С одной стороны прекрасный многоводный канал, один из наиболее обильных и древнейших в Средней Азии, с другой — выгодное расположение на большой караванной дороге, ближайшими большими городами на которой были Бухара на запад и Самарканд на восток.

13/VI. Следов стены шахристана, которая шла бы по южному берегу Нарпая, не видно, что не исключает возможности нахождения ее здесь. На самом берегу Нарпая в с.-з. углу шахристана стоят развалины здания из сырцового кирпича, о котором я уже упоминал. Здание это по своим размерам огромно и после кухендиза было главной постройкой древней части города в домусульманское время. Рядом с указанными развалинами, на восток от него, по тому же южному берегу Нарпая, лежат следы бывших здесь построек из сырцового кирпича. Сейчас же на юг от этих зданий и лежит кухендиз. Состоит он из небольшого холма, на котором стоял кошк, и большого хаули, окруженного стенами, от которых хорошо сохранились валы. Северный вал кухендиза тянется на 125 м. Почти к середине его, ближе к с.-з. углу, примыкает северная сторона замкового холма, имеющего по верху 26 м длины, а у основания 60 м. В восточном отрезке северного вала хорошо сохранились формы стоящей здесь стены. Западный вал кухендиза — 125 м, местами выступают на нем следы стен, южный вал длиннее других — 138 м, восточный вал — 125 м. Таким образом, кухендиз почти квадратный. Валы кухендиза, обращенные наружу, круты и до наших дней производят сильное впечатление своей мощностью. Размеры холма, на котором был кошк, — наверху 26 × 26 м, а у основания 60 × 60 м. Высота холма над уровнем Нарпая 18 м, а высота вала (стена) кухендиза над тем же уровнем 10 м.

14/VI. На рассвете мы с В. А. Шишкиным выехали на арбе в Миянкаль в поисках древней Кушании. До Хатырчи ехать было хорошо, но после переезда по мосту через Кара-Дарью картина резко изменилась. Несколько предварительных слов, дабы стало ясным последующее. До сих пор остатки Кушании считаются найденными. У В. В. Бартольда есть любопытное указание, что Кушания должна была находиться в Миянкале, недалеко от места слияния Кара-Дарьи и Ак-Дарьи, там, где сейчас находится небольшой кишлак Кашан-ата и мазар святого того же имени. Уже этих данных кратких, но точных, казалось, было вполне достаточно, чтобы иметь надежду найти городище, хотя бы в виде деформированных бугров, пусть даже совсем изрытых, от интересую-

щей нас Кушании. Кишлак с именем Кашан-ата, о котором писал В. В. Бартольд, оказался существующим. Однако самого главного мы не нашли: ни в Кашан-ата, ни в ближайшем его окружении не оказалось городища. По дороге, правда, мы встретили немало тепе, среди которых выделяется известное в этих местах тепе Исабой. Последний, однако, находится на расстоянии по крайней мере 5 км от селения Кашан-ата, так что трудно предположить, что именно он и является остатками Кушании. Более того, при тепе Исабой не видно и следов городища. Нечего и говорить, что для нас результаты поездки были очень огорчительны. За все время экспедиции это главная наша неудача. Быть может, на юг от Кашан-ата и лежит искомое нами городище. Поехать туда мы не имели возможности, ибо должны были вернуться в тот же день в Арбинджан.

16/VI. Выше мне уже пришлось коснуться кухендиза, сохранность его хороша, в этом отношении он является редким исключением. Вспомним хотя бы Дабусию, где все так бесформенно. Кухендиз Арбинджана похож очень на Шахри-вайрон, что, впрочем, видно не только из структуры самого кухендиза, но и того широкого рва, который окружал его с восточной, южной и западной сторон. Размеры шахристана очень трудно установить. Пожалуй, ни одно из виденных нами за эту поездку городищ так не изрыто, как городище Арбинджана. Я даже затрудняюсь дать более или менее точные границы шахристана. Говорить о них в ряде участков можно только предположительно. Едва ли можно сомневаться, что северная стена шахристана шла по южному берегу Нарпая и охраняла сейчас же за ней стоящий ряд крупных зданий, самое большое из которых мы в настоящее время и имеем в развалинах (упомянутое выше здание из сырцового кирпича). Восточная стена шахристана может быть намечена только лишь по остаткам ее, находящимся в 130 м на восток от восточной стены кухендиза. Представляет собой эта „стена“ кусок вала длиной в 110 м и высотой до 3 м. Характерно, что за проходящим по рву между кухендизом и шахристаном арыком (вырыт в новое время) видны еще следы этого вала, правда, быстро обрывающегося. Площадь шахристана в южной и западной своих частях в настоящее время может быть намечена только по буграм, которые с запада и юга примыкают к кухендизу. Северная и восточная стороны шахристана сильно изрыты. Отсюда не столько, вывозили землю, сколько добывали жженный кирпич. Благодаря этому местами вскрыты фундаменты зданий. Вообще нужно признать, что если бы мы имели возможность просидеть и проработать в Арбинджане хотя бы

около двух недель, то можно было бы произвести два-три серьезных раскопа, которые дали бы нам подлинный план жилого дома VIII—X вв., а может быть, и более древнего. Западная и южная стороны шахристана рытью с целью выемки жженого кирпича не подвергались, и вся поверхность его покрыта посевами под дождь (пшеница и ячмень). На юг, юго-восток, юго-запад от шахристана и кухендиза расположен довольно большой рабат Арбинджана. Однако наметить точно линию, которая отделяла бы шахристан от рабата, невозможно. Тянется рабат почти до железной дороги. Были ли у него стены, трудно сказать, ибо следов их мы не имеем. Эта часть городища более всего пострадала. На юго-восток и юг тянутся поля, причем частично это бугры, большая часть участков изрыта, и поля по отношению к буграм лежат на метр, полтора, два и даже три ниже. Юго-западная часть городища также сильно изрыта, однако здесь есть большой участок, где нет полей и где видны развалины строений, вернее, следы развалин. Отсюда, по словам местных стариков, более всего вытаскивали и вывозили кирпич. Здесь мне и моим товарищам пришлось наблюдать ряд интересных следов от больших построек, стены которых были из сырцового кирпича, а пол, по словам рывших здесь людей, почти всегда из жженого кирпича. Сырцовые стены не только оштукатурены, но и имеют по белому фону роспись синей и красной краской. К сожалению, в следах стен мы имеем такие ничтожные остатки штукатурки, побелки и росписи, что о восстановлении какого-нибудь выразительного фрагмента рисунка говорить не приходится. Керамический материал Арбинджана так же показателен и четок, как и в Хазаре. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что на городище совершенно не встречается монгольская и послемонгольская керамика. Буквально ни одного черепка, начиная с XIII в. Что касается караханидского времени (XI—XII вв.), то утверждать я ничего не берусь, ибо считаю, что твердых критериев в фрагментах поливной и неполивной посуды для этих районов и этого времени мы не имеем. Более того, находимые виды так наз. афрасиабской посуды в подавляющем большинстве случаев представляют собой ярко выраженные образцы саманидского времени (IX—X вв.). Этим, однако, я не хочу утверждать, что город умер уже в X в., он жил еще много веков, но расцвет его культурной жизни кончился вместе с саманидской эпохой. Интересно и распространение черепков посуды по всему городищу. В кухендизе подъемной керамики встречается мало, что вполне понятно, так как здесь не производили никаких выемок кирпича и земли. Здесь мы находили фрагменты неполивных сосудов из красноватого теста, расписанные по белому

ангобу ангобными же полосками красного, черного или коричневого цвета. Та же керамика, только более многообразная, находится на территории шахристана, причем ее больше всего встречается в северной и восточной сторонах последнего. Здесь имеется множество вышеупомянутых неполивных и расписных ангобными полосками черепков. Кроме того, часто встречаются разные виды неполивной посуды, напоминающей то, что мы имеем в домусульманское и раннемусульманское время в Самарканде (Афрасиаб), Кала-и-Дабус, Хазаре, Тававис (Шахри-вайрон) и других местах. Наиболее древняя керамика Арбинджана — образцы красной лощеной посуды, хотя нужно признать, что ее встречается значительно меньше, чем в Дабусии и других местах на нашем пути. На городище найдено несколько разбитых глиняных фигурок животных; по большей части это глиняные фигурки коней. Часто попадаются и характерные плечики от огнеупорных котелков, так хорошо знакомых нам по Хазаре (Диггарон). Встречаются, правда, редко в шахристане и черепки поливной посуды. Это по большей части фрагменты сосудов саманидского времени. Поражаться приходится не тому, что черепки эти здесь встречаются, а тому, что встречаются они сравнительно редко. На городище найден был большой кусок обожженного кирпича с знакомой нам на Дабусии орнаментацией (круг с точками, внутри которых растительный орнамент). На кирпичах этих позволю себе несколько остановиться. В Арбинджане в настоящее время они встречаются в качестве подъемного материала редко. Найдено их всего 3 фрагмента. Однако добыто этого орнаментированного кирпича в Арбинджане огромное количество. В соседнем с городищем кишлаке, лежащем сейчао же на север от него, за Нарпаем, в домах (в фундаментах) можно найти много арбинджанского кирпича, вырытого как на территории шахристана, так и рабата. Кое-что нам из этих кирпичей удалось получить. Известно, что в Самарканде (Афрасиаб) этих кирпичей не встречалось. В Дабусии же и Арбинджане они настолько часты, что, если верить старикам-дехканам, ими устилались полы в домах, выстроенных из сырцового кирпича. Как и следовало ожидать, наиболее разнообразная керамика оказалась на территории рабата, где в юго-западной его части, благодаря производившимся здесь выемкам земли, масса черепков оказалась выброшенной на поверхность земли. Керамика эта может быть разделена на следующие группы: 1) неполивные простые расписные черепки, которые встречаются также в кухендизе и шахристане, 2) неполивные штампованные черепки с высокой техникой изготовления, 3) лощеные красные черепки,

4) черепки от огнеупорных котелков, 5) разнообразные черепки от поливной с подглазурной росписью посуды афрасиабского типа. Попадают здесь как краснофонные, так и белофонные сосуды, орнаменты на них столь же разнообразны, как и на афрасиабской керамике. По технике они достаточно выразительны и, повидимому, почти не уступают Афрасиабу и Хазаре.

Выше мною не раз упоминались развалины здания из сырцового кирпича, находящиеся в с.-з. углу шахристана, на самом берегу Нарпая. Здание это безусловно принадлежит к одним из наиболее интересных объектов изучения нашей экспедиции. Когда-то большое, повидимому, двухэтажное здание не раз перестраивалось, что видно из целого ряда стен, позже пристроенных и перебивающих первоначальный план. Перестроек и завалов в развалинах этой интереснейшей постройки столько, что без больших раскопок точного первоначального плана не получить. Но уже и сейчас то, что мы имеем в самых развалинах с помощью произведенных Турды Мир-Гиязовым 3-х подчисток, может в основных линиях дать схему постройки. Здание вытянуто с запада на восток и имеет в длину у самого Нарпая по своей северной стене, ныне ставшей совершенно бесформенной массой, 22 м 50 см. Вдоль, с востока на запад, здание это в настоящее время прорезано на две неравные части как бы коридором длиной в 28 м 5 см и шириной в 2 м 60 см. Говорю „как бы“, ибо это, конечно, не коридор, а типичная для домусульманских построек узкая комната. Она нам известна как по Термезу, так и по описанию того „замка“, в котором в 1933 г. в районе верховьев Зерафшана, на речке Кум, были найдены знаменитые согдийские рукописи. Здание это так и осталось необследованным нами до конца. Над ним надо было долго и серьезно работать путем раскопа, что не входило в наши планы.

1934 г.

L'EXPÉDITION DE ZARAVCHAN EN 1934

En été de l'année 1934 l'Ermitage et l'Ouzkomstaris ont organisé sous la direction du professeur A. Yakoubovsky une expédition archéologique dans la vallée du Zaravchan.

Durant un mois les membres de l'expédition ont parcouru à pied ou en arba les contrées habitées le long de l'ancienne grande route de Samarkand sur la rive gauche du Zaravchan

depuis la station Kizil-Tépé du chemin de fer d'Achkhabad jusqu'aux ruines d'Arbindjan situées non loin de Katta-Kourgan. Sur tout son parcours l'expédition a examiné tous les vestiges des anciennes bourgades et de tous les restes d'habitations. Ainsi elle a étudié les débris de Kampir-Douval — muraille fortifiée qui dans l'antiquité défendait l'oasis agricole de Boukhara des nomades. Les membres de l'expédition ont prouvé que ce Kampir-Douval présentait tout un système fort compliqué de fortifications composés de rabates et même de villes bien fortifiées. On a levé les plans photographié et décrit les ruines de Kizil-Tépé, Chahr-i-vayron (Tavavis), Abou-Mousslim-tepé, Il-Mirza-tepé, Gantch-tepé et Hazara qui entraient tous dans le système de Kampir-Douval. Dans tous ces points l'expédition a fait des trouvailles abondantes d'objets bien intéressants consistant surtout en céramique couverte ou non couverte. A Hazara a été découverte une ancienne mosquée, inconnue jusqu'à présent, reposant sur des colonnes, avec six coupoles. Cette mosquée a été construite probablement pas plus tard que la fin du IX siècle. Elle a été photographiée, mesurée et décrite.

Parmi les vestiges des villes situées sur le parcours de l'expédition, les ruines de deux villes—Dabousiy et Arbindjan ont surtout fixé l'attention de l'expédition. Ces villes ont eu une grande importance dans ces contrées comme centres de commerce et de culture. On en a levé les plans à l'oeil, elles ont été photographiées et décrites.

A. Yakoubovsky
